

Татьяна Вольтская

В лёгком огне

Стихи

2017

УДК 82-3
ББК 84-4

Шрифты предоставлены компанией «ПараТайп»

Вольтская Татьяна

В лёгком огне : Стихи / Татьяна Вольтская. — [б. м.] : [б. и.],
2017. — 112 с. — [б. н.]

Стихи, вошедшие в новую книгу Татьяны Вольтской «В легком огне», написаны в 2014–2016 годах, это сборник лирики, любовной и гражданской. Все происходящее с лирическим героем происходит, в основном, в декорациях Петербурга.

УДК 82-3
ББК 84-4

18+ В соответствии с ФЗ от 29.12.2010 №436-ФЗ

© Татьяна Вольтская, 2017

* * *

О, жизнь, о, бабочка, влетевшая в окно
И севшая на стол, о, долгий вдох и выдох
Узорных створок. Чашка, хлеб, вино.
И – паника, и – пестрое пятно,
По стенам шарящее выход.

* * *

Стихи растут не из крапивы
И не из пыльной лебеды –
На кончике беды, рапиры –
На задыхающемся «ты»,

То исчезающем, то снова
Мерцающем на глубине
Сырой мелодии, основы
Грубей холстины и страшней

Ночного окрика. И ветку
В окне, войну, и гул комет
Услышит не свидетель века –
Свидетель музыки, поэт.

Стихи растут на месте боли
И тьмы, окутавшей чело.
На месте крови. В чистом поле.
Как Божий мир – из ничего.

* * *

Умираешь, значит? Закрываешь лавочку?
Сворачиваешь проект,
На который пошло немеряно водки,
 чернил и обесцененных слез,
И отборных острот, и продукции сивого мерина. —
Неужели последний аккорд пропет:
Высокий, он не тает в воздухе, словно радуга.
 Ты всерьез?

Да, конечно, не поле боя, не дорога и не отель, —
Правда, чужбина за бессмысленной рябью миль —
Но зато в кругу семьи, в своей постели, как
 ты хотел.
Мир оседает медленно, как после взрыва — пыль.

В воздухе проплывает кресло,
 обнажая потертый бок,
Проплывают два стула из кухни, на которых сидели
 мы, —
Жареная картошка, твоя любимая, водка,
 томатный сок,
Суп из фасоли. Чтобы остались разделены

Красное с белым, водку ты наливал,
 подставляя нож,
К стенке стакана — помнишь тот хитрый трюк?
Хороша была «кровавая Мэри». Что ж,
И диван проплывает, расшатанный в хлам, и даже
 утюг,

Гладивший блузку перед твоим приходом, и тот
паром,
Первый раз увозивший нас за границу – почитай,
на тот свет,
И капитан, поди, до сих пор не знает, что он Харон,
Медленно проплывая в воздухе, руку подняв –
привет!

Рядом с ним проплывает причал и чугунные
фонари
У Петропавловки, с позолоченною стрелой,
Полосатая будка – только будочника внутри
Расстреляли, когда еще не было нас с тобой.

Проплывает кладбище Новодевичьего монастыря
С могилой Тютчева, куда ты меня водил
Тайными тропами, и, вообще говоря,
Это место, в виду снесенного купола и заросших
могил,

Выглядело живей, чем сегодня – с золотом
и толпой
К поясу Богородицы, к Бог знает каким мощам.
Помнишь, в цеху грохочущем – в бывшей
церковке мы с тобой
Полустертых ангелов встретили? Отощал

Каждый – кто крыльев лишился, кто головы своей,
И все равно светились, в грязи и скрежете:
вопреки.
Я вот думаю – срам, поругание – страшно
сказать – честней
Фарисейской покраски-побелки...
Проплывают ржавые катерки

По Неве, над которой мы до сих пор сидим
С бутылкой красного, свесив ноги, на крепостной
стене —
На краю тюрьмы, естественно, и цветные дворцы,
как дым,
Клубятся на том берегу.
А нынче, как на войне,

Кругом постреливают, но бежать в кусты —
Нет такого рефлекса, а главное — не страшней
Тобой оставляемой пустоты:
Ни брони от нее, ни бомбоубежища, ни траншей.

Мирная жизнь прекращается мигом: вот только что
пили чай,
«Рио-рита» кружилась, и вдруг — Левитан,
метроном,
Серые реки бушлатов, скулы, штыки, прощай,
На углу заколоченный «Гастроном».

Что ты наделал? Мир без тебя, как брошенная
на стул
Одежда, не может ни двигаться, ни дышать.
Подожди, подожди, подожди, пожалуйста, —
видишь, там, на мосту,
За тобой, спотыкаясь и падая, плача, бежит душа.

* * *

Да, сколько их было, родных пепелищ и гробов
Повапленных, родин
Морозных — встревоженных глаз и насупленных
лбов:

Теперь ты свободен.

Тебя не поймают ни сны, ни расстрельные рвы,
И в липкую полночь
Тебя обойдет стороной, заходя во дворы,
Чекистская сволочь.

Ты вовремя выскочил в щелку, откуда сквозняк
Все тянет и тянет.
Тебя не достанет крысиная наша возня,
Кровавая баня,

Тебя не догонит обломков безудержный дождь
Безумной отчизны.
Ты знал это, правда? И не унимается дрожь —
Как будто на тризне

Твоей мы сжигаем страну — как коня и жену
Язычника-князя.
Как будто мы спим — и не в силах противиться сну
До смертного часа.

* * *

И как ты коленки сгибал во сне,
И какую любил еду —
Все тащит память в скупой возне,
По-плюшкински, на ходу,

Пока ты уходишь за горизонт,
Закуривая, в закат,
Вдоль серых заборов. Так гарнизон
Покидает город. Пылят

Ботинки, кружатся чаинки ворон.
Как «о» в беззвучном «любовь»,
Зияют пустые арки ворот:
Врывайся и грабь любой.

* * *

Август — небо воскресенья:
Высота и синева,
В сероватый пух осенний
Облаченная трава.

Даже сломанная ветка
Солнцем преображена,
И беззубая соседка,
И лесничего жена,

Блюдце с яблоком незрелым,
Лес, пожарный водоем
Блещут обновленным телом —
Словно в Царствии Твоем.

* * *

Всем телом прижимаюсь к небу,
Всю ночь на цыпочках стою,
Губами дальнюю планету
Ловлю — как родинку твою.

Ночное небо молчаливо,
В глубокий сад погружено.
Вздохнешь — и огненная слива
Беззвучно падает на дно.

* * *

За океаном было близко —
До океана
Мой голос долетал без риска
Порваться. Пьяный

Матрос его не путал с чайкой,
Пока летел он
К тебе — веселый ли, печальный,
Лишенный тела,

Но не внимающего уха,
А значит, дома.
Теперь, назойливый, как муха, —
Аэродрома

Лишенный самолет, мой голос
Кружит над кухней —
Пока горячее осталось,
Пока не рухнет.

* * *

Не дал мне Бог дочерей, а были бы –
Назвала б Евдокию да Прасковьей:
Евдокия смеется – слышать до Киева,
А Прасковья гуляет по Подмоскovieю.

Целый день бегали бы за братьями,
Целый день бы в доме хлопали двери.
По углам бы шептались, мелькали платьями.
Ну, а младшую назвала б Лукерья.

* * *

Женщина умирает дважды.
Сначала зеркало покрывается порами,
и по капельке, словно пот,
Красота испаряется, и от жажды
Вернуть ее блестят глаза, пересыхает рот.

И мужские взгляды, несущие женщину, будто птицу,
Редуют, гаснут, разбиваются, как стекло.
Она останавливается у кондитерской, вдыхает
запах корицы
И вдруг понимает, как тяжело

Ее тело. Она еще борется, но уже на полку,
Вздыхнув, ссылает любимое платье. «Какого тебе
рожна?» –
Негодует подруга обрюзгшая. Агония длится долго.
Это первая смерть. А вторая не так уже и важна.

ЭЛЕКТРИЧКА

Болота, болота, болота, болота,
Романовка, Верево, Мозино, Зайцево, Гатчина.
Забота, забота, забота, забота, забота.
Небрежно земля заштрихована, вскользь
 обозначена.

Как лица в вагоне — в осенних тенях-паутинках
На серых щеках, в перекатах усталого голоса.
Кто спит у окна в камуфляже, в солдатских
 ботинках,
Кто вяжет, кто обнял рюкзак и букет гладиолусов.

И лузгает семечки, кровь с молоком, контролерша,
А кто помоложе, играет, уставившись, в гаджеты,
И бочка торчит из болота, и громче, и горше
«Куда, — повторяют колеса, — куда же,
 куда же ты?»

И правда, куда громыхает-бренчит электричка,
Зачем продавец приволок эту сумку с мороженым?
Куда-то неслась уже, помнится, бодрая брочка —
Вперед, меж дубравами и протокольными рожами,

И снова летит — Карташевка, Татьянино, Гатчина —
Заросшими сором пустыми полями недужными,
Меж серых заборов и речки, намеченной
 начерно, —
За мертвыми душами, видно, за мертвыми душами.

Неужто опять до конечной разбойничьей станции:
17 год недалече, садитесь, оплачено.
С индейкой-судьбой, как с лузгой на губе,
 не расстаться нам.
Тележка, ведро, Кондакопшино, Лампово, Гатчина.

ИЗ ПЕСНИ

Скажите мне, где мой любимый,
Из этих мест куда ушел он?
Блестят домов сырые спины
Между Аидом и Шеолом,

Сочится горький сок рябинный,
Торчат ребристые заборы.
— А где, скажите, мой любимый?
— Не плачь, не плачь, вернется скоро.

— Когда, когда же он вернется?
Ложась в постель, его ждала я.
Его лицо зашло, как солнце
За тучу, медленно сгорая.

На коже капельки от душа,
Моей не высохли. Наверно,
Он вышел только что — пойду же
Искать его по всей деревне —

За ветхой почтой, за сторожкой,
Уже три года как снесенной,
За ниткой железнодорожной,
Заштопанной полынью сонной,

На чердаке у бабы Шуры,
Умершей прошлою зимою,
И на валу, на пестрой шкуре
Травы, где за прыгучей тьмою

Вокруг костра галдят подростки,
И пахнет жженою резиной,
И лица тают, как из воска,
И алкаши у магазина

Мычат мне в спину и гогочут,
Бьют кулаком между лопаток:
— Где твой любимый? Смылся ночью —
Так, верно, до молодок падок!

И у гаишников, у стражей
Дорожных я спрошу, конечно,
— Где мой любимый? — И подальше
Пошлют меня во тьме кромешной.

Пойду я в город, к теплым сотам
Оконным — где же мой любимый? —
К коням, к колоннам — где пасет он?
— Да между лилий, между лилий,

Меж асфodelей, между статуй
В густом помете голубином —
Домов медлительное стадо
Пасет ночами твой любимый.

И крикну во дворе-колодце,
Где месяца пробились рожки:
— Когда, когда же он вернется?
— Вернется он, когда умрешь ты.

Тогда и руку с сигаретой
Узришь, и дивную усмешку,
Как бы предвестие рассвета.
Тогда беги к нему, не мешкай.

* * *

Ну, что, дружок, пожалуй, осень —
Слиняли аисты и цапли,
Осталось долбануться оземь
И в перьях спрятаться, не так ли, —

В чужой судьбе, в чужой личине,
В любви, что светит, но не греет.
При желтой ветке — при лучине
И ночь темней, и боль острее

От синевы небес нетяжких,
Молочной дымки на болоте
И в длинных золотых рубашках
Берез, почти лишенных плоти.

В озябших пальцах все быстрее
Рассветы чиркают, как спички,
Вокруг остывшей батареи
Разбросанные, как кавычки —

Вкруг ветхих слов, оконной рамы
Рассевшейся, кофейной гущи,
Расплесканной в борьбе неравной
И с холодом, и с тьмой грядущей.

Так тихо, что вдали яснее
Бряцанье льдов, снегов раскаты:
Зима на горизонте, с нею —
Ее веселые солдаты,

Ее седые мародеры,
До золота и тела падки.
Ну, что, дружок, ты видишь, скоро
Здесь будут новые порядки,

Полезут друг на друга рати —
И братья, и отцы — войною,
И легковесные объятъя
Навряд ли будут нам стеною.

Ну а пока стоит над нами
В тиши полей, в сердечном гrome
Седьмое небо — словно знанье
О нашем настоящем доме.

Горят его пустые башни,
И обещаю, и пугая.
Береза сбросила рубашку —
И встала перед ним, нагая.

* * *

С каждым днем, с каждым сном все короче,
Все прямее оставшийся путь.
Только не торопи меня, Отче,
Дай отравленный воздух глотнуть,

Дай поежиться — холодно, братцы! —
Проходя по дрожащим мостам,
Дай мне досыта нацеловаться
С сыновьями Адама — а там —

Как листва в ноябре, отпылаю,
Упаду, как неслышное «ах!»,
Только имя Твое сохраняя
На рассыпавшихся губах.

* * *

Ноябрь — как страстная суббота:
Спаситель спускается в ад,
Деревья — обритою ротой
Стоят и молчат.

Просеивается сквозь сито
Ветвей умирающий свет,
Все золото сорвано, смыто,
Лишь тридцать монет

Дрожат на остывшей осине,
На дне оглушенных сердец.
Так сыро — как будто о Сыне
Не помнит Отец.

Мерцающий слиток вокзала,
Рекламы пустое чело
Над лужами. — Что ты сказала?
— Да нет, ничего.

И поезд товарный облезлый
(На краску, наверно, лимит)
Вползает — как будто от бездны
Ключами гремит.

Как будто не щебень с соляркой,
А наши грехи он везет,
Стеная, — как будто бы ярко
Не весь горизонт

Займется с востока на запад,
Как будто Спаситель сейчас
В одеждах из снега внезапно
Не встанет средь нас.

* * *

Человек, который дышит рядом,
Дан тебе до утренней поры:
Он растает в воздухе, разъятом
На пролеты лестницы, дворы,

Мокрый снег над вывеской погасшей,
Он исчезнет в шорохе шагов
У метро, во тьме, в перловой каше
Сонных лиц, беретов и платков,

Растворится, потеряв приметы,
Сохраняя в ледяной крупе,
Как в окошке, слабый сгусток света,
Видный только Богу и тебе.

* * *

Невысок мой бревенчатый терем,
Недалек помутившийся ум.
Не пойму, почему ты растерян,
И откуда в ушах этот шум.

Ты куда это сыр и печенье —
На Маланьину свадьбу принес?
А глоток коньяка от смущенья
Не поможет, и сердце, как пес

У соседки по свежей пороше
Крупно скачет, звеня, на цепи.
Счастье — тоже тяжелая ноша.
С непривычки особенно. Спи.

* * *

Так холодно — кажется, Малер
Гудит в позвоночнике. Соль
На ветках. Желтеет брандмауэр,
И тополь острижен под ноль.

И облако цвета шинели,
Повисшее на золотом
Гвозде, над мостом, — неужели
Сорвется? Не будем о том,

Что чудится вдруг в этой черной,
Бурливой, блудливой волне,
Свистеть и хрипеть обреченной
В хваленом граните, во мне,

В скукожившемся прохожем,
Напялившем город, как плащ, —
О, как он потерт и поношен,
И легок, и складчат. Не плачь.

То плац, то дворец, то казарма,
И сдавленный вдох — вопреки
Имперскому шарму и сраму.
И выдох. И трепет руки.

* * *

Вырывают граждан из страны
С мясом — будто гвозди из стены,
А без них — как карте на стене —
Удержаться не на чем стране.

Шелестит бумажная Сибирь,
Рвется речка Волга, речка Свирь,
Меч бумажный и бумажный щит:
Только дунет ветер — и слетит.

* * *

Ах, как жалко страну, как жалко —
И тайгу, и канаву со льдом,
И Камчатку, и Тихову Алку
С третьей парты, и этот, с трудом

Забываемый праздник — ни слова
Про убитых — лишь Волга да степь,
Над кровавою ямой — Орлова
Рассыпает щебечущий степ.

Над бараками, над колючкой
(Кто там спит — грузин, сибиряк?)
Машет Грушенька белой ручкой,
Семиструнный вздох — «чибиряк,

Чибиряк», и цыганским плечиком
Дрогнет даль.
Неужели все?
Неужели нас, искалеченных,
Даже Бог уже не спасет?

* * *

Ах, как хочется снега — небесного белого семени,
Что течет, прикасаясь едва, по рукам, по лицу,
Ах, шестерка-трамвай, как во сне, добежали и сели
мы —
Ты на снег в волосах не смотри, не вези нас
к кольцу.

Вот метель задышала, мехи развернула тальянкою,
Спотыкаясь, хмелея и перебирая басы.
Я вернулась домой, и под дверь незажившею
ранкою
Пробивается свет, и не надо смотреть на часы,

Потому что я дома. Напишет метель *Anno Domini*
На стене в переулке Татарском, и в мягкую сеть
Остановку запутает, дверь Гастронома. Ничто меня
Не заставит отсюда убраться — ну, разве что
смерть.

Потому что меня обнимают живые и мертвые,
Среди хлопьев слетаясь на зыбкое пламя слезы.
Узнавая по запаху, в ноги мне тычутся мордами
И углы, и ступени, и тумбы — как старые псы.

Фонари созревают в снегу, будто яблоки белые.
Посидим-посидим, черный хлеб посолим-посолим,
И не спрашивай, где я ходила, и что я наделала:
Где бы я ни была — позабуду ль Иерусалим!

Ты несешь мне любовь, словно пайку в блокаду —
украдкой,
Как махоркой обсыпанный сахар — растает к утру,
Только сладость останется. Кожа моя
Петроградская,
Сторона невозможная, снежная. Здесь и умру.

* * *

Улетает год, язычество торжествует:
Это ваше время настало, волхвы и маги,
Терпеливо пасущие в небе звезду живую.
Короли, как положено, голы, деревья наги,

Богачи прижимисты, холодно, воздух кислый,
И орел наливается яростью двухголовой,
И куда ни глянешь, везде торжествуют числа –
Это их пора. Еще не родилось Слово.

Год изъеден ходами обманов, пустых видений,
Похвальбы, а сам раздетый сидит, разутый:
То приход, то ломка, то поиски лишних денег,
То любовь по скайпу – та еще камасутра,

То опять стрельба. Обесценены дни, как ласки
Разрешенные, потерявшие вкус и трепет,
Разливается ночь от Токио до Аляски,
И кусты, как мокрые волосы, ветер треплет.

А душа с надеждою носится, как с порезом,
В жажде чуда к числу целебному приникая,
И плывет звезда чешуйчатая над лесом,
Вместе с сердцем вздрагивая плавниками.

* * *

Не я тебя держала за руку,
Когда душа из-под ресниц
Твоя скользнула — в дверь и за реку,
Текущую куда-то вниз,

Меж голубыми небоскребами,
Сквозь маленькие города,
Вдоль частых шпал, торчащих ребрами
И не ведущих никуда.

Но я смотрю теперь, куда она
Летит, ныряя, сквозь миры
И Аристотеля, и Дарвина
В лучах божественной игры,

Где правила известны загодя,
И где поставлены на кон
И звезд рассыпанные ягоды,
И твой блуждающий огонь.

* * *

Вот и к нам пришли холода.
Окна матовы. У канавы
В пух и прах из тонкого льда
Разодеты сухие травы.

Лес не дышит, не видит снов.
Я — смотри — не боюсь мороза:
Вся я в золоте твоих слов —
Ярче утра, богаче Креза.

* * *

Снизу вверх — не сосна: звезда —
Холодна, высока, мохната,
И осинок под нею стадо
Разбредается у моста,
И деревня свисает с куста
Алой гроздью. — Сорвать? Не надо.

Узловатые корни шпал
И стальные ветки сегодня
Райским деревом стали на сотни
Ледяных километров. — Устал?
Как горит на валу краснотал!
Здравствуй, новое лето Господне!

* * *

Мир сотворен словом.
Что же сказал Бог
Волнам своим соловым,
Ловящим каждый вздох

Губ Его, гулким залам
Суши, пустой пока,
Дереву — что сказал Он,
Пасущему облака,

Жаворонкам и совам,
Верблюду и кораблю? —
Мир сотворен словом,
И это слово —
люблю.

* * *

А что нам терять, кроме пыток
Войной, ожиданием, тюрьмой?
Струится любовный напиток
Обманной, слезливой зимой,

То капает с веток вспотевших,
То по лобовому стеклу
Стекает — и выпивших тешит,
Стоящих на зябком углу.

Хозяевами банкета
Они еще мнят себя, но
Не чуют — небесное это
Час от часу крепче вино,

По скулам текущее, иго
Желаннее, слаще ярмо —
На теплых, не вяжущих лыка
Над бойней, болотом, чумой.

* * *

Все не было, не было нам зимы,
Все маялись мы — и вот,
Мороз. Торжественные дымы,
Упертые в небосвод.

Так суп дымится, так дышит сеть
Веток, так жаждет сад
Причастья снега — как будто смерть
Сделала шаг назад,

В лишенную очертаний тьму
(Мы знаем, мы были внутри).
Зима. Не спрашивай, почему.
Просто благодари.

* * *

Звезды вышли и встали рядом
Среди сада, плечом к плечу.
Снег. Мороз. Говорить не надо.
Молча светят, и я молчу.

Дома пышет печное чрево,
Скачут красные языки,
Машут вправо и машут влево
Скоморошеские колпаки,

И дитя, разомлев у печи,
Над страницю склонено.
Пар над чаем плетет колечки.
Звезды молча глядят в окно.

Так молчали они на Калке,
Подо Ржевом и на Неве.
У калины, как у гадалки,
Карты красные в рукаве.

Не ходить же к ней, как Саулу,
Не по росту мне царский грех.
Печь погасла, дитя уснуло,
Перед сном помолясь за всех.

* * *

Ковш небесный танцует на ручке,
Точно рыба на мокром хвосте.
А мороз-то все круче и круче.
Мчится в санках опальный поручик,
На плечах у него — по звезде.

В голове рассыпается фраза,
Как метель, шелестящим «прощай»,
Снег скрипит, из ущелий Кавказа
Мгла глядит на него в три глаза,
Вожжи крутятся, как праща

Неудачливого Давида.
На весь мир нестерпима обида,
Бог — на небе, а царь — для виду,
Чтобы только оформить судьбу —
Подорожную, ссылку — и с тем он
Удаляется, а уж следом
На крыло поднимается Демон:
Как певца успокоить в гробу —
Дело техники. Версты да версты.
Кто увидел его — тот мертвый,
С пулей в сердце, с печатью на лбу.
Дай-ка снежную розу сорву,

Брошу вслед — лепестки сырые,
Лепеча возвышенный вздор,
Осыпаются — как Россия,
Начиная с Кавказских гор.

* * *

Нам в Рождество дарован свыше снег,
И черное, как видишь, стало белым.
И ходит благодарный человек,
Большой свече уподобляясь телом.

Шаги скрипят, и в валенках тепло,
И праздничной резьбой какой-то мастер
Одел и сад, и крышу, и стекло.
И Ель идет навстречу – Богоматерь.

И тает воск лица, и рук, и ног,
Бегут колеса звезд, мелькают спицы,
И кажется, вот-вот родится Бог
Во тьме души. И мир от слез двоится.

* * *

Ночь. Березы висят, как дымы
В твердом воздухе, срубленном крепко
Средь наждачной мерцающей тьмы
И в грудной настороженной клетке.

Тучи, поднятые, как мосты,
Сосны, вбитые в землю, как сваи.
В доме духи огня и воды,
Словно сердце и мозг, оживают.

Стены дышат, стреляют не в такт,
Появляются белые знаки
На окне. Я прижмусь к тебе так,
Как замерзшая буква к бумаге.

* * *

Так иди, иди за морозной своей звездой
Сквозь машинный храп, сквозь подлую дрожь
 коленей,
По дороге, знакомой до запятой,
Да привычной ямы не перекрестке, до nota bene,

Посиневших от холода на полях
Текста, вызубренного до рвоты.
Иди, иди, не задерживайся. Этот шлях
Не тобою вытопан. Никого ты

Не удивишь, не разжалобишь. На хрена
Тебе эта жалость? Поделом вору и мука.
Ты же всегда берешь чужое, какова б ни была цена,
Так что вслед тебе все равно понесется — сука!

Вот и иди по своей Владимирке, позванивай
 в кандалы,
Приплясывай, как на углях, на снегах и льдинах,
В час, когда капли толпы, ни добры, ни злы,
Выливаются из театров и магазинов,

В час «Прощанья славянки» в переходе метро,
 жулья,
Поглощенного выручкой, в час, когда пахнет
 жженым
Сахаром и корицей в кофейнях, когда мужа
С глазами побитой собаки возвращаются к женам,

А бомжи перед сном перетряхивают тряпье,
И город сочтется рекламой, как лицо позорной
Девки — дешевой косметикой, — в сущности, как
 твое:
Вы — двойники. И когда багровые зерна

Габаритных огней ссыпаются в закрома
Дворов, — не говори, что холод
Дошел до сердца. Впяяна в лед корма
Васильевского. Ты не была верна
Никому из своих любимых. Не гнется повод

У коня на мосту, и является во плоти
Снег в фонарном луче — с блуждающею усмешкой.
Бог дает тебе голос, но всегда говорит — плати! —
Вот и я говорю — не жалуйся и не мешкай,

Не просись малодушно в тепло, на постой,
Не хоронись за углом, за деревом, за колонной:
Все равно о тебе никто не заплачет — иди за своей
звездой,
За бесстыжей, голодной звездой каленой.

* * *

И когда язык касается языка,
Души сбегают друг к другу — изо рта в рот,
Словно в камерах насидевшиеся зэка —
В открытие двери. Свобода — она не врет:

Когда одежды, как границы, упразднены,
Она выходит на улицы, где каждый булыжник —
свят.

Ноги ее легки, пальцы ее нежны,
Бежать за ней, не оглядываясь, — но уже назад

Пробираются души по краю губ
В свои одиночки, ощупью, далеки,
И кисть руки белеет, повисшая, как лоскут,
И слова поворачиваются, как замки.

* * *

Еще не пора, но уже за окном
Мелькают — пока что еще не предместья
И даже не ближние села — но дом,
Раскрашенный пестро, похож на предвестье,

И этот сарай, и коза на дворе,
Коляска, нелепо распяленный ватник
На черной скамье — говорят о поре
Негромких речей и писаний приватных.

Еще не пора, но мелькают быстрее
Заборы, снимаются резче с калины
Набрякшие гроздья тугих снегирей,
И сердце внезапней срывается в длинный,

Пока что учебный — кругами — полет
Над местностью, словно дотошный топограф,
Фиксирует кочки, названья поет —
Как сложенный только что влажный апокриф.

* * *

Что ты смотришь на «эту страну», застыв
От ужаса, мысленно поднимая юбки —
Не замараться б, в глазницах ее пустых
Видя хищных призраков, лоящих звук побудки, —

Не надоело? Ну да, трава
Лезет между клыков, и позвонки истлели,
Кости гремят, короче.
Но ты же сама мертва —
Или кто там сползает с твоей постели —

Под глазами круги, как в оттепель на снегу,
В сердце, как в жестяной коробке –
Пробки, обрывки веревок, гвозди. Поди-ка
 поджарь треску –
Сын вернется из школы. Шевельнувшуюся тоску
Возьми в кавычки. Хотя бы в скобки.

И вообще, неясно – то ли в «этой стране»,
То ли в тебе ночами гуляет эхо –
По пустой подворотне, по вспотевшей спине –
Тошнотворное, словно Хиль и Пъеха,

И кто кому спозаранку врет,
И кто кого норовит напоить из чаши
Прокишим временем – не бери эту гадость в рот,
Выплюнь сейчас же!

Все тебе не так – и воздух, поди, не свеж,
И водка-то не крепка, и царь-то не настоящий.
Уж молчала бы: тебя саму достают, как вещь,
Поглядят тайком и опять задвигают в ящик.

И дело не в том, кому подавай «духовку» или
 престиж,
А кому побоищ и прочих зрелищ,
А в том, что ты не светишь – а так, иногда
 блестишь,
И уж точно никого не согреешь.

И однажды глянешь в зеркало – и увидишь «ту
Страну» – но еще беднее, еще суровей,
И закроешь лицо руками. И тебя обойдут за версту,
Зажимая нос, поднимая брови.

* * *

Та женщина, которую с тобой
Мы обманули, с этих фотографий
Так счастливо глядит. Иди домой,
Пусть под твоей ногой не хрустнет гравий,

Не скрипнет пол. Храни ее, лелей,
Хвали ее одежду и помаду
И стой, как стражник, у ее дверей,
Чтоб ненароком ветерок из ада

Не дунул ей в лицо. Протри стекло
Очков и восхитись — как пахнет щами!
Как в облако, войди в ее тепло
И поцелуй покрепче на прощанье —

Когда несешь ко мне весь этот пыл,
Весь этот жар, украденный из дома,
И припадаешь, будто век не пил
Из горьких вод, в чужую даль влекомых.

* * *

Вместе — не вместе мы:
В койке, рука в руке.
Вместе — это холмы,
Льющиеся вдаль

Медленно, словно чай,
Заполняя стекло.
Куст, бережок ручья
Паром заволокло.

Вместе — это когда
Натянуты между тел
Болота и провода
Мокрые, между тем,

Чуть различим кивок:
Ты хорошо спал?
Утренний холодок
Меж позвонков шпал.

* * *

Бочком, с опаской вышел снег
На двор, пробежкою мышиною.
Потом он падал, как во сне,
На сгрудившиеся машины,

На урну и скамейку, лег
У заколоченной парадной,
Ступень и ржавый козырек
Накрыл ладошкой прохладной.

Нет, он не падал, он нырял,
Как будто ждал, когда мы вздрогнем,
И снова из-под фонаря
К деревьям и ослепшим окнам

Он наклонялся, как спина
Незагорелая мужская
Над женщиной, как та волна —
Ну да, ты помнишь, Хокусая.

* * *

Я и не знала, что голос у меня хрипловатый,
Я и не видела этого лица
В треугольных тенях под беспощадной стоваттной
Лампочкой. Душа — дичью, бегущую от ловца,

Приникает к стеклу, увязывается за прохожим,
Как собака, останавливается под фонарем,
Притворяется очарованной смуглокожим
Вечером. Брось уловки. Отойди от окна. Мы все
равно вдвоем.

Хотя — вижу тебя впервые — здравствуй! —
Будто выросшую в детдоме, узанную с трудом:
Ну, у тебя и ужимки — нахваталась в своем
тридевятом царстве —
Мнешься да носом шмыгаешь, лягушачьим ртом

Ловишь воздух, косишься на паутину улиц
С капельками огней, дрожащую за окном.
Руки твои грубы, туфли стоптаны. Как же мы
разминулись?
Как я могла забыть тебя? И каким вином

Нам теперь напиться? Сколько лет-то — пятнадцать,
двадцать —
Не важно. Будешь ругаться с соседями. Впереди
Вообще не фонтан — разборки, дрязги — а куда
деваться?
Выноси из дома, что хочешь, не мой посуду —
только не уходи!

* * *

Ай — слово *мушмула*
Зачем-то в снег влетело,
Шершавинкой шмеля
Хлопочет обалдело

По мерзлomu стеклу,
Подшептывает вьюге
И сердится в углу,
И крылышками в ухе,

Как в розе, шелестит
Все сладостней, все глубже,
Смешит, щекочет, льстит.
Тифлиса ли, Перуджи

Слетели небеса
В застывшие осинки.
Замерзшая слеза,
Под языком кислинка,

Тарелка за стеной
Заснеженных черешен.
А город — простыней,
Как памятник, завешен.

* * *

Ну, очень добрые. Особенно Кельн,
Дающий себя изнасиловать — только чтоб шито-
крыто.

Потому что бегущие по волнам — братья: коль
Подставляешь корыто,

Что уж тут мелочиться — у вас же полно земли,
А уж девок — подавно. Только где же вы были,
Когда в ваши святые гавани шли корабли
С детьми Рахили?
Я напомню — вы их топили.

А соседей закапывали живьем.
Да, Валленберг, да, поддельные документы,
Спасавшие вашу честь, которой при любом
Раскладе — ни тогда не было, ни сейчас нету.

Да, мне жаль бегущих — под умолкший звон
Ваших колоколов, но, как презренный циник,
Задаю лишь один вопрос — тогда, в сороковом,
Куда вы дели аптекаря с улицы Капуцинок?

Да, мне жаль ваших святых камней, но пыль
Под ногами бредущих в Аушвиц, пыль от развалин
штетла

Сушит мои слезы. Вы — Шарли, ну, а я — Рахиль,
Стучащаяся в ваши двери. Тщетно.

* * *

Метель на Университетской
Холеной набережной, лед,
Автобус, паренек простецкий
С двумя подружками, народ

В наушниках. Намокшим мелом
Дворец прочерчен. Ты со мной?
Ты здесь? Безжизненное тело
Реки накрыто простыней.

В глазах у города мерцанье,
Ладонь, прижатая ко лбу —
Как будто санки с мертвецами
Проскальзывают сквозь толпу,

Как будто произносишь: «Город» —
И тень ложится под стеной,
А эхо отвечает: «Голод»,
И снова тихо. Ты со мной?

Парады, кабаки, цыганки,
Расстрелы, балерины, спесь.
Вот если бы не эти санки.
Метро, окраина. Ты здесь?

Торговый центр, пивная, пьянка
В парадняке. Подъем. Отбой.
Ты здесь? И точно ли твой ангел
Присматривает за тобой?

* * *

О, Англия! Скоро срубят твои дубы,
Выкинут из Вестминстера каменные гробы,
Раздавят твои хартии, как выеденное яйцо,
И побледнеет твое лицо
В рыжих веснушках – ты вскинешь брови,
закусишь губу,
И все твои ричарды перевернутся в гробу.

О, Франция! Скоро твой Нотр-Дам де Пари
Осыплется, как осенний лес, ибо червь у тебя
внутри
Высосал твою доблесть, подточил стебелек
Твоей лилии, колпак санкюлотский – и тот поблек.

О, Европа нежная, плывущая на спине быка,
Ты устала держаться за его крутые бока
И вот-вот соскользнешь, растерянно теребя
Бычий загривок.
Как же мы без тебя?!

* * *

Ты говоришь, я горевать умею –
Вот и учи меня радоваться, учи.
По мостовой поползли ледяные змеи,
Звякнули капли, как выпавшие ключи.

Как ни печальна смерть, но игра – прекрасна,
Главное – просыпаться, не важно, с кем,
Чтобы струилась прохладная рябь соблазна
Вдоль по каналу мимо кудрявых стен,

Чтоб на бульваре, где тополя срубили,
Между машинами потными и толпой
Колкой, пеньковой – ария Керубино
Быстро вплеталась ниточкой золотой.

Хлещет уха ледяная, ботинки мочит,
Смерть пролетает низко, свистя косою,
НА тебе яблоко, милый, поскольку Моцарт
Гонится следом – ливень его косою

В блеске локтей и талий, объятых шелком,
Словно огнем.
И правда, навел тоску б
Мир – не прижмись мы вовремя к узкой щелке
Музыки, к тесной щелке сомлевших губ.

Ну, а прижмешься – и голова-то кругом:
Катит Радищев в вечном своем возке,
Хлебников в ситцевой наволочке Фейсбука
Нянчит стихи, иголка торчит в виске.

НА тебе яблоко. Спелая эта шкурка
Лопнула, но пока мы еще в раю.
Видишь, канал в проталинах и окурках
Тащит к Неве пожелтевшую чешую.

* * *

Когда в лодке плотник Питер
Минул Невскую губу,
Усмехнулся искуситель
И подзорную трубу

Льстиво подал да ретиво,
Да не тою стороной:
Град с обратной перспективой
За стеною водяной.

То-то люди в Петербурге
Ходят задом наперед,
То-то сбоку ветер юркий
Черным хвостиком метет.

То Столярный, то Фонарный,
То Кирпичный, то Свечной,
То Дегтярный, то кошмарный —
Жидкой полночью мучной

Ходят люди, горбят плечи,
В переулках месят грязь,
Устремляются навстречу —
Дальше, дальше расходясь,

Спотыкаются, по жиже
По болотной семени.
Так и ты, дружок — чем ближе,
Тем ты дальше от меня.

* * *

Ну, что, душа? Что сидишь, тиха?
Держишь горшок с землей, а в нем — корешок
греха —
Черненький, с золотым, Божьим, переплетен.
Страшно тебе, душа? Ну-ка, вставай, пойдём
Медленно вдоль реки, словно катя клубок
Перед собой — смотри, как Его мир глубок:
Жабры твои, душа, розовы, и глаза круглы,
Гнутся вокруг стеклянные впадины и углы,
Вьются скользкие ленты, колются рачьи усы,
И плоские караси колеблются, как весы.
Ну-ка, пошли, душа, дальше, стряхни песок,
Берег, лесок — смотри, как Его мир высок:
Ветер из полотна, облако из стекла,
Быстро летают капель блестящие зеркала.
Перья твои, душа, в крапинку, и круглы глаза,
Выше рванулась, милая, да нельзя —
Поясок натянулся, обвивая тебя, как дым —
Тот самый, черненький, перепутанный с золотым.
Вот и сиди, как Золушка, хмельные Божьи меды
Отделяй от дегтя, от неумытой беды.
Страшно тебе, душа? А все-таки не зови
На помощь — не то нагрянут птицы да муравьи,
Распутают сердце, быстрыми лапками шевеля, —
Тут-то оно и рассыплется, как земля.

ИЗ ЛЕТОПИСИ

Тонули на баржах, метались в жару под гнойными
Бинтами, громоздили пирамиды костей
На фараоновых стройках, и между войнами
За ситцевыми занавесками делали второпях детей,

Чтобы торжественно посвятить их Танатосу,
Ряженому в пионера, шахтера, лейтенанта НКВД,
Любовь Орлову. Размазанному по атласу
Алым крабом с клешнями, шевелящимися в воде,

Потому что бог смерти – единственный здешний
идол,
Не сброшенный в Днепр, с незагаженным алтарем,
Не узанный. Мальчик, который ищейкам выдал
Отца, и другой, оставшийся во втором

Классе, игравший в лапту и шпионов, жилы
Надорвавший потом в колхозе, и спившийся
инженер,
И строчивший доносы дворник, – все только ему
служили,
Только к нему спешили – а думали, что к жене,

На работу, гонять в футбол, сигать с парашютных
вышек,
Вырезать статью из газеты, покупать эскимо, –
Это он, Танатос, светло улыбаясь, выжег
На каждом лбу незаживающее клеймо.

Да еще свита – сладкий Мелос да неуклюжий Эрос
В черных трусах сатиновых до колен.
Все это кружилось, пелось, пахло потом, куда-то
делось –
Только идол не околел.

Притаился в воде и хлебе, в ветке, обросшей
каплями,
На изнанке затуманенного стекла.
...Кажется, все отдам за песенку Чарли Чаплина,
За живое, как сердцебиение, тра-ла-ла.

БЫТИЕ

1

Плод наливной, тонкокожий, словно прозрачный
сосуд
С медленным пламенем — кто же может унять
этот зуд
В пальцах, протянутых к ветке, жадную сухость
во рту!
С маленькой черною меткой вьется листок на ветру.
Господи, разве ты дал нам силы противиться злой
Жажде и сполохам дальним, пляшущим под
кожурой?
Ты же нас хрупкими создал, как подорожник
и рдест,
Если выковывать гвозди — то не из этих сердец.
Заповедь, Господи, трудно в жаркой держать
голове.
Зверь с чешуей изумрудной мирно свернулся
в траве,
Тих, переливчат и складчат, влажной спиною
скользя.
Ты не сказал нам, что значит, Господи, слово *нельзя*:
Ты ничего не сказал нам про Саламин и Фарсал,
Про бородинские залпы, про Айзенкур не сказал,
Косово поле, Цусиму, морок Мазурских болот,
Про сталинградскую зиму, мартовский
ладожский лед,
И про варшавское гетто, Аушвиц, Аустерлиц,

Про предвоенное лето, про выражение лиц
Ветром
летающих с гравюры Дюрера всадников,
ни
Этих, кричавших: «Мой фюрер!», тех, повторявших:
«Распни!»
Если бы знали мы только про Хиросиму, иприт... —
Плод Твой на ветке — что толку! — солнцем
закатным горит.

2

Почта, гостиница, школа, кулинария, метро.
Голы мы, Господи, голы, хоть и одеты пестро.
Что за охотничья жадность, будто мелькающий
мир —
Дичь, и нельзя удержаться.
Ну, почему ты мне мил,
Дышащий тяжело охотник, все же настигший меня:
Все перепуталось в потных ветках сомлевшего дня,
Взводных, дневальных и ротных, рвотных — какая
херня!
Блинная, рынок, аптека, Рыба, кофейня, кальян,
Словно фигурка ацтека — смуглый строительный
кран.
Быстро сгустившийся вечер все это спрячет, когда
Старенькой нанкой на плечи ляжет, укрыв от стыда,
Холода и удивленья: кто ты? Не муж и не брат.
Хоть постоим на коленях молча у запертых врат.

3

Словно вода во льду накрепко заперта,
В райском саду — вон у того пруда
Спит Гефсиманский сад в косточках от маслин,
А в лепестках цветов — крепдешин, муслин,
В полутемном клубе вьющийся под вальсок —

От барака, теплушки, окопа на волосок.
Ангел Твой пред собой гнал нас сухой листвой,
Медленно застывал в воздухе голос Твой,
Мы же, в слезах, в пыли, оглушены и злы,
Милый эдемский прах в ладанках унесли.
Стоит закрыть глаза — как на ладони, сад,
Зернышки городов в вишнях его дрожат.
Солнце его горит — даже когда война,
Даже когда чума — в каждом глотке вина,
В каждом счастливом дне, украденном у судьбы, —
На холостом витке срывающейся с резьбы.

4

Не смотри на меня, когда я сплю.
Мало ли что пробежит по губам, по скулам —
Что если тень, волнистая, как верблюдо
За верблюдом — по каменистым, скудным

Морщинкам, позвякивая в тюках
Контрабандой, потянется: ревность, похоть,
Сдавленный шепот, выстрелы, душный страх
Потери?
Грохот — упасть, оглохнуть.

Не смотри, как, легким песком шурша,
Глядя на стену райскую — близко, вроде, —
Не мигая, раскачивается душа,
Обхватив коленки, в горячей пустыне плоти.

5

На месте тканых Господом одежд —
Подбиты ветром кожаные ризы.
И брезжит путь, петляющий промеж
Домов, припорошенных снежным рисом.

На темной арке выросли часы
Огромным сорняком. Их шелест – грохот.
И вздрагивают нежные усы,
Как будто у вьюнка или гороха.

Скорей, скорей минуты прополоть
И с кровью вырвать корни циферблата,
Как гвоздь, как жало, впившееся в плоть,
Пока она желанием объята,

Пока она зачеркивает дни
И, приближая смерть, торопит встречу,
И желтые вечерние огни,
Цветущие в домах, ее не лечат,

Пока по ней плывут полоски тьмы
И медленные солнечные пятна,
Пока о ней не вспоминаем мы,
Как на кресте, на времени распяты.

6

В поте лица вымочен хлеб, в поте лица.
Вот он течет, заливая глаза, медленный пот,
К сжатому рту – струйкой песка, горсткой свинца,
Шорохом волн – там, на реке, тронулся лед.

Пахаря пот, пот рыбака, пот кузнеца,
Воина пот – с кровью врага – в жёлоб меча.
В поте лица ешьте свой хлеб, в поте лица.
Пот пастуха, пот столяра, пот палача

(Как он устал – фартук протер – столько сразив
И растворясь в летней толпе в тридцать седьмом).
Каина брат, камень кати, хмурый Сизиф,
Мышцей-горой, лесом костей, сморщенным лбом.

В порых угля, в россыпях круп, в залежах руд,
В соплах ракет, в грудях одежд, в тучных стадах,
В кипах газет, в стуче станков, помнишь ли – «Труд
Освобождает» – надпись на тех, адских воротах?

Помнишь ли ты знамя труда, красное от
Крови, с утра чуешь спиной свищущий кнут?
Часто ли спишь вдоволь – внутри каменных сот?
Ночью и днем проклят твой пот, проклят твой труд.

Только один благословен труд горемык –
Только любви вахта, страда, пламенный пот.
Этот, в моих бледных губах горестный крик,
Знаю, зажмет только твой рот, сладкий, как мед.

7

Глаза любви наведены на резкость,
Но с удивленьем видят не одно
Любимое лицо, а всю окрестность,
Как будто в доме вымыли окно,

Где за столом сидят Адам и Ева,
Болтают ни о чем и греют чай,
И в их глазах, из-за Господня гнева,
Как из-за тучи, вспыхивает рай.

Не только сад, и лес, и облик милый,
И черный хлеб, и чашки на столе –
Незримые столпы и скрепы мира
Вдруг проступают рядом в полумгле.

Скользя по крыше в ледяной коросте
И по сквозному кружеву дворов,
Взгляд проникает в тайное устройство
Друг к другу тесно пригнанных миров,

В сырые стены воздуха из мглистых
Объемов: если кто-нибудь сотрет
На четырех углах
евангелистов —
То синий купол тут же упадет.

* * *

Земля дрожит в объятьях поезда,
Его движенья повторяя,
Во мрак коленчатый, колодезный,
В огни текучие ныряя,

И сквозь меня тебе, лежащему
Ничком, видны ее лощины,
Зверье, крадущееся чашами,
И камень в зарослях лещины.

Ты не в меня — в нее вжимаешься,
А мне видны, лежащей навзничь,
То лунный полустанок маятный,
То веток, заплетенных на ночь,

Тугие косы. Мчатся долго ли,
Куда — не ведаем, не знаем,
Чужая плоть пространства голого
Внезапно делается нами,

А мы становимся то липами,
То крышами забытых станций,
Несущимися прочь со всхлипами,
Обнявшимися — чтоб расстаться.

* * *

Мост. Тающий лед.
На куполах туман.
Из полыньи пьет
Ветер, припав к губам

Мертвой реки. Снег,
Что пришел не спросясь
И обнимал во сне,
Превращается в грязь.

Как это — был и нет?
На щеке, на груди
Вот же его след.
Только не уходи!

* * *

Рука в руке дрожит синицей,
А в небе тают журавли
И огненная колесница
Неистового Илии.

Надулась воздуха рубаха,
Как царство, сокрушился лед,
Все чаще вздрагивает птаха —
То ли от страха, то ли от

Волны безжалостного счастья,
Что горлом хлынуло — и с ним
Обломки слов и льдинок мчатся
В дыму и скрежете весны.

* * *

Ледяная змеиная шкура
С легким треском сползает с Невы.
Далеко нам до строящей куры
Богатеям гордячки-Москвы.

До шелкóвого далеко нам,
До Садового пояска,
До басового — в злате иконном —
До господского говорка.

А и наша держава не промах —
Налетай, кому надо воров:
То-то в ваших гуляют хороммах
Недомерки из наших дворов.

То-то к вам понасыпалось бесов
Из глубоких чухонских болот,
Чтобы, воздух измяв и изрезав,
Время вывернуть наоборот,

До кровавой мездры. Не до жиру —
Быть бы живу да в шелку залечь.
Это мечь. А не надо порфиру
Грубо стаскивать с мраморных плеч,

С департаментов и присутствий,
С желто-белых, застывших во сне
Площадей, по которым несутся
И безумный фельдъегерь, и снег.

На Москве-то все гладкие лица,
Без гульбы да потравы — ни дня.
И шипит отставная столица,
Как змея под копытом коня.

* * *

Из трав, от ветра пошедших в пляс,
Из лужи, из глины сырой
Господь слепил тебя в первый раз,
А я леплю во второй.

Из мрака, из талого снега, слез —
Ловя губами, леплю:
Плечо проступает, щека и нос,
И губы, то бишь, *люблю*.

Из мха, где комар заложил вираж,
Где прель под еловой корой,
Господь слепил меня в первый раз,
А ты слепил во второй.

Уже проступил под твоей рукой
Затылок, висок, плечо:
Я не видала себя такой
Ни разу. Еще, еще!

* * *

Лето, веселящее, как пунш,
С пламенем сирени,
Поверху танцующим, из луж
Пьющим озаренья,

Отраженья, вспышки огоньков.
Только ночи с краю
Холодны, как лезвия коньков,
Что висят в сарае.

* * *

Ты есть. Тебя можно потрогать,
Рукой по щеке провести,
Проснувшись под сдавленный рокот
Дождя — твоего травести.

Рассвет непропекшийся, кислый,
И город, опухший от сна,
И дворик, наполненный смыслом,
Которого раньше не знал.

Ты здесь. Ты уже в настоящем,
А я еще в будущем, но
Дыхание ветра — все чаще,
И дождь превратился в вино.

* * *

Берег глотая и дом, не скрывая азарта,
Визги пилы поглощая и звуки Моцáрта,
Гомон соседей, — плывет ненасытное *завтра*,
Синим огнем изнутри пожирая *сегодня* —
Не как Иона в ките, но как кит в Ионе,
Каждому дню с насмешкой крича: «Не годен!»
Где мы — в каком столетье, в какой зоне
Руки сомкнем — в круженье, пыланье, звоне?
Были бы мы грачами с тобой, скворцами,
Голые кроны открылись бы нам — дворцами,
Не было б *завтра* — только *сейчас* — мерцанье
Быстрых лучей, ручья говорок простецкий,
В лапках у белки — желтый орешек грецкий,
Двери бы в те дворцы распахнул — скворецкий.

* * *

Муха, пробудившаяся в марте,
В отогретой наскоро избе,
Ковыляет по линиям карте
Мира и пристанища себе

Ищет. От Парижа до Берлина
Пять шагов мушиных или шесть.
На столе – буханки половина,
Рядом – леса вздыбленная шерсть.

Пожужжим, сестрица, летаем,
Суетливым крылышком вертя.
Скоро эту карту с мятым краем
Все равно порвут ко всем чертям.

* * *

Как путник, утоливший жажду,
Уже не смотрит на поток,
Ты остываешь рядом – каждый
Глубокий, яростный глоток

Считавший только что. Ни летом
Горячим, ни морозным днем
Я никогда не стану хлебом
И даже праведным вином.

Я буду горестным напитком,
Как бы не нужным до поры,
Настоянным на вечной пытке –
Пить
из горла, из-под полы.

* * *

Хорошо любить издалёка. На экране мерцает плоть
Неопасная — дымкой легкой, сном.
Ты видишь меня, Господь?
Все двумерным легко и ловко — каждый возглас
и каждый чих,
Расстояние, как веревка, крепко связывает двоих.
Все б скакать, натянув ошейник, все б скулить,
обхватив края
Виноватого отраженья.
Слышишь, Господи, это я.
Ну, а стоит сложить впритирку оба тела, их запах,
вес —
Словно тигры, сбежав из цирка, вспоминают
забытый лес,
Неудобный, колючий, странный, открывающийся
со дня
Сотворения — душной раной: настоящая западня.
То-то он отвернется первый, не скрывая сытый
зевок,
То-то к ней по обрывкам вервий подбирается
холодок.
Наконец, они замолчали, словно сели на бережку.
Утоли ты мои печали, погаси ты мою тоску —
Словно некому больше молвить: из молитвы сырая
плоть
Вырывается, как крамола.
Ты же видишь меня, Господь?
Ты же мог нас любить без риска, на сияющей
высоте,
Ты заранее знал: что близко — то кончается
на кресте.

* * *

Дом потертый, в кирпичном своем исподнем
Мне милей прилизанного красавца.
У зимы, уходящей по льду сегодня,
Волосатые ноги царицы Савской.

Все над ней смеются, намокли юбки,
Ветер дует, подтаявший лед крошится,
Погляди, под нами, как разум хрупкий,
Превращаясь в жиденькую кашу.

И из города вывалились кристаллы
Ледяные, снежные — гвозди, клинья,
На Васильевском линии перестали
Параллель блюсти — проросли из линий

Листья, нежные, будто из наших пальцев, —
Их сожжет морозом еще, конечно,
Так что лучше в будущем не копать,
Да и в прошлом, сияющем ли, кромешном,

И не надо Канта — довольно марта,
Торопливых слов, обнаженных все,
Чтобы враз обрушился мир Декарта:
Я люблю — и, стало быть, существую.

* * *

Мыслю, как же. Cogita, вот еще.
Допотопный мутится ум.
Я люблю — отойди, чудовище,
Слезы катятся — ergo sum.

* * *

На два дня мы хозяева жизни:
Холодильник, плита, кровать —
Как морская гладь. Только свистни —
И такси, да зачем свистать —

Этот город густой, эту площадь,
Проливающуюся, как мед,
Прямо под ноги, — лучше на ощупь
И на вкус, как друг друга. Займет

Больше времени, больше по скулам,
По губам побежавших теней,
Нам-то что — халифам, лукуллам,
Целых двух обладателям дней,

За дешевые желтые шторы,
Как пиратские корабли,
Заходящих с оглядкой — чтобы
Золотые дублоны, рубли

Не звенели. У батарее
В куче — сумки, ботинки, вино —
Открывай-ка его. На рее
Закачаемся все равно.

* * *

Дождь, на асфальте оспины. Синий холодный свет.
Как Твое имя, Господи — грозное или нет?
Скользкие эти лестницы, плоские этажи,
Ветки от ветра бесятся. Сколько мне лет, скажи?
Преет ладонь, зажата в бабушкиной руке —
Этим путем когда-то мы медленно шли к реке.
В глаз заплывали ребусы — мальчик, собака, дрозд,

К темной нестрашной крепости вел деревянный
мост.

Как тебя звать по имени? Обнажена Нева,
Как Франческа да Римини — цепляясь за острова,
Мимо белых проносится, мимо красных колонн.
Каменной переносицей хмурится Посейдон.
Ты целовалась — вспомни-ка — вот у этой стены.
Город, река, любовники, все — приговорены.
Словно кошмар Коперника, солнце в тяжелом сне
Кружит вокруг репейника, растущего на стене,
Из гранитного лоскута с надписью, из груди.
Холодно, дует. Господи, имя Твое — Прости!

* * *

Ты помнишь обо мне, ты помнишь,
Как прежде, под окном свистишь.
Сквозь тонкую мембрану-полночь
Прошмыгивает звук — как мышь.

И день с больною головою
Встает, и речь его груба,
Но имя влажное, живое
Вдруг прижимается к губам,

Жизнь возвращая из наркоза —
Назад, назад, в озноб и жар,
И стряхивает — папиросой,
Соря искрой, на тротуар.

Часы бредут колонной пленных,
И ливень мечется, как плеть.
А рай — он рай и есть — колени
Твои обнять и замереть.

* * *

Надо же, старая перечница, смотри-ка,
Ты еще хочешь жить, любить,
Продаешь квартиру, полную окостенелых криков
Страсти, горя, ненависти — любых.

Вот она, жизнь, откалывается кусками
Ладожского льда, уплывая с шорохом по Неве,
Крутясь под мостами, обещая вернуться — песенка
 городская,
Застравшая в ухе, горло царапающая. Не верь!

Ах, ты не хочешь сидеть, перебирая прошлое,
В мамином кресле, сливаясь с обоями, но пока
Ты спишь, будущее — железной горошиной
Под дырявой периной толкает тебя в бока.

Неужели ты думаешь заковать это каменное болото,
Обойти со спины извивающуюся страну,
Все ее скользкие шеи, ядовитые зубы, вышедший
 из моды
Пыточный реквизит? Ну-ну.

Ты думаешь, новые стены не будут к тебе суровы,
Из соседних окон на тебя не нахлынет мгла?
Здесь на каждой стене — непросохшие пятна
 крови,
Запомни, куда бы ты ни пришла.

Этот город пропитан смертью — не до идиллий,
А сестренка любовь — попрошайка, дворничиха,
 швея:
Разрывая объятья, из каждой комнаты кого-нибудь
 уводили.
Кто знает, чья теперь очередь. Может быть, и твоя.

* * *

Привет, о дева Революция,
Таинственная визави
С холодными глазами-блюдцами,
С губами тонкими в крови.

Не притворяйся незнакомкою,
Голодным взором не смотри,
Пакетик из-под чипсов комкая, —
Я знаю, у тебя внутри —

Костры, да наледи, да нелюди,
Над ямой ржавая трава
И нас, случайно не доеденных,
Заждавшиеся жернова.

Высматриваешь
жертву робкую —
И все-таки привет тебе —
С воинственной татуировкою,
С тремя колечками в губе.

Уж лучше ты — юна, неистова,
Со взором — вдаль из-под руки, —
Чем с их рутинными убийствами
Пожизненные старики.

Уж лучше так — с кострами, танцами
И пьянкой ночи напролет
Над трупами. А кто останется —
Тебя разыщет и убьет.

* * *

Только елки стоят над откосами,
Только реки, налитые всклянь
Между берегом, мокрыми досками
И заборами веером. Глянь —

Запасные пути, заржавевшие
Две цистерны, облезлый вагон
И кривые сараи, как грешники,
На колени осевшие. Вон

Сколько влаги вокруг, сколько жалости —
Грязь, сутулые старики.
Будь же счастлив со мною, пожалуйста,
Вопреки, вопреки. Вопреки.

* * *

Землетрясение любви раскалывает Пангею —
Вот теперь и плыви от Пирея к Сиднею,
Вот теперь и сиди в комнате, не узнавая
Стены. Там, позади, частил говорок трамвая,
Флагов река текла, площадь раздвинуть силась —
Дымные зеркала времени покосились,
Лица перемешав, вытащив из колоды
Клетчатый старый шарф и холодок свободы
В горле. Река лежит, вздрагивая, сверкая.
Гляню — лицо чужим кажется. Я — другая,
Больше не узнаю ноги и руки, голос —
Где я, в каком краю, столетии? Местность? Волесть?
Дождь, облаков края рыхлые, ветер резкий
С пристани. Я — Твоя, Господи, не побрезгуй!

* * *

Платформы, красные пакгаузы,
Американские мосты,
Заводы. От Невы до Яузы –
Дожди, дожди, кусты, кусты.

Мехи пространства разворачиваются
И взрыдывают, как гармонь.
Подростки у реки дурачатся –
Весна, куражится гормон.

То пятна снега, то валежника,
То пруд с прокисшим молоком,
Дорожка – выдумщица, неженка –
Да с трещинкою в Бологом,

Через мое лицо оконное
Скользящую – рябой зигзаг.
Она, дорожка, – не законная,
Не разведенная, а так,

На дробном каблучке подружкою
То всхлипывает, то поет,
Рассыпав сердце мелкой стружкой
Между бараков и болот.

* * *

Луч солнца выпадет из тучи,
Рассыплется на мостовой,
Как золотой зловещий ключик
В руках у оборотня. Стой,

Не двигайся, не слушай пенье
Пустой воды, не наступай
На выщербленные ступени,
Ведущие на дно, за край,

Обметанный гранитной оспой,
В чешуйчатую дрожь и слизь,
Не жди, не всматривайся — просто
Закрой глаза и отвернись,

Езжай в какой-нибудь Челябинск,
Возделай сад, уйди в запой,
А не уедешь — эти хляби
Задернутся над головой.

Свинцом налившиеся ноги
Уже не оторвать от плит,
И скользкие речные боги
За сердцем тянутся: болит.

И день за днем вливает в ноздри,
Души лишенная и сна,
Бесстыдный женский запах острый
Простоволосая волна.

В МОСКОВСКОМ МЕТРО

Святящийся наutilus люстры, лепные кораллы
Гипсовые — помстилось? — из сновидений Клары,
По мановенью вдруг смолкнувшие хоралы
Смерти — простертых рук, звезд ядовито-алых.
Что мне до них — в волне утреннего прибора,
Там, где на глубине, сонно в обнимку стоя,
Пары
еще ночной тайной своей повиты,
Укачанные волной вагонною, в грановитой
Зале, в штыках, серпах, грузном многоголосье —
В бронзовых молотках и железных колосьях,
В плещущих высоко флагах — сырой тоскою
НА голову Садко в доме царя морского:
Бюсты его блестят гладкими головами,
Толпы на дне, в гостях — будто заколдовали —
Веет их, как песок, в черные коридоры —
Тенор или басок, старого, молодого —
Не разобрать. Ушиб, ссадина ли, укус ли —
В темном углу души. К счастью, разбиты гусли.
То-то бы царь морской снова свистел и топал,
То-то бы на Тверской пал человек, как тополь —
Первый, второй, шестой, тысяча двадцать пятый.
Бездна — туннель пустой, гулким ветром объятый,
Лестница вверх — сквозь строй знаков, могучих
ляжек,
Горнов, знамен. Постой, может, еще попляшет.

* * *

Жму на педали — будто бы догнать
Пытаюсь тех, кто отступали,
Кричу им вслед — Иван, Петро, Игнат,
Муса, Серго — пустые дали

Откликнутся, и я, припав к рулю,
Одолевая в гору путь кремнистый,
Сжимаю пальцы — будто бы палю —
В штабы,
в заградотряды,
в особистов,

В усатый стяг. Как маки — ордена,
Морями крови впоенные. Врете —
Еще моя не кончилась война
За косточки напрасные в болоте.

* * *

Народ, принесенный в жертву,
Еще спешит в магазин,
Меняет гнилые жерди
В заборе,
залив бензин

В ворчащую иномарку,
Летит, рассекая грязь,
Еще он гуляет в парке
И ладит шашлык, смеясь

Погодке, еще на службу,
В больницу, в бассейн, на корт
Бежит, огибая лужи,
Еще не зная, что мертв.

* * *

Свидетельство. Свидетельство — о чем?
Свидетельство о смерти. Кто свидетель,
Толкнувший дверь непрошеным плечом
В ту ночь? Каков он — темен или светел?

Что он увидел? Напряженный рот,
Кадык в поту, оливковые скулы,
Дыхание — как птицу — то замрет,
То сломанным крылом помашет скупю.

Не машет больше. Но толчком, ползком
Преодолев оставшиеся метры,
Провалится в зазор меж кадыком
И этим вот. Ну, ты читал. О смерти.

Да нет же, об изгнании души,
Как из гнезда, с насиженного места,
Над ним она, бездомная, кружит —
Нет, над листком убористого текста,

Который мы расстелим здесь, вдвоем,
Разложим хлеб, откроем эту фляжку.
Как долго ты глядишь на водоем
С обрывком неба и волной нетяжкой.

И буквы, и печать, и черный фриз
Строки, которой нет и быть не может,
Над хлебом и над фляжкой поднялись
Танцующим столбом вечерних мошек.

* * *

Конечно, не женятся там — и последний кретин
Тебе повторит, — не выходят, конечно же, замуж,
Но губы твои, посуди, кто же мне запретит
Хоть пальцем потрогать, припухлые губы —
а там уж...

Понятно, ни речка Нева, и ни речка Оять,
Ни море — седое, с изменой в груди, как Мазепа,
Не встретятся нам, ни лужайка, — но не целовать
Прохладные губы горчайшие — все же нелепо.

И, как в гардеробе, оставив тяжелую плоть,
Наверно, мы будем — не зря же подглядывал
Бёме —
Друг в друга влетать, будто легкие ласточки, хоть
Гнезда не сошьем под стрехой в ускользящем
доме.

* * *

Май. Как будто некуда спешить,
Подвигаясь к выходу с вещами.
Под ногами золoteет жизнь —
Так, еще не жизнь, а обещаенье,

Венчиком мать-мачехи, венцом
Будущего мученика — будто
Рот, еще не залитый свинцом,
Приоткрытый лютик. Незабудка.

Не познавший собственной тщеты,
День почти что свят, до солнца лаком.
Новенькие крылышки листвы
Все еще блестят нездешним лаком.

* * *

Руку на сердце положи —
Хоть зимой, хоть в весенней дымке
У земли этой — вид бомжа,
Собирающего бутылки,

Отсидевшего за разбой:
Неудобья, бараки, свалки
Да пустые дома с резьбой
Обгоревшей. Ему не жалко

Ни полей — заросли уже,
Ни развалин. Глядит на флаги
Глазом пьяненьким — и в душе
Выплывает не дом, а лагерь.

А могли бы тут — как в раю —
Речка, лес, у дороги липы,
Ступишь — ангелы запоют,
С облаков наклонясь. Могли бы.

* * *

Что-то печка не разгорается,
Что-то каша не согревается,
Что-то мне о всемирном заговоре
Все бубнит сосед, и гроза на дворе
Собирается — то расходится,
То сгущается — жить не хочется.
Оживают они, драконы те.
Больно тонкие стены в комнате,
Забегай туда — скорей-скорей,
Оставляй за дверью май
И дитя своё еврейское
Крепче к сердцу прижимай.

* * *

С днем рождения! Вот, впервые
Даже не океан, а Стикс
Разделяет нас, на кривые
Параллели натянут. Окстись,

Ты-то знаешь, время не лечит,
Только вглубь загоняет боль,
Даже ночью – незрелой, млечной,
Проступающей, будто соль,

В грубых швах полотняных улиц,
Расползающихся, пока
На углу торопливо куришь,
Поджидая меня. Река

Нас с тобой от Большого дома
Отделяла и от тюрьмы.
Так смотрел – будто слышал стоны,
Истязуемых. От кормы

Перегруженной темной баржи
Отходил треугольный след.
Пили спирт – за тебя – не важно,
Сколько лет.

А волну у наших ступенек
Все колотит крупная дрожь,
Брызги сыплются горсткой денег.
Как всегда, к четверем. Придешь?

* * *

Символ веры с прожилками золотыми
Поздним вечером в комнатной пустыне
Наливается между погасших окон
Немерцающим светом, терпким соком.
Сквозь него плывут автобусы, не касаясь,
На стебле его город висит, как завязь
Будущего небесного града:
Церкви взорванные вернулись обратно,
Как заблудившиеся овцы,
Шпили светят лучами нового солнца,
И дома прижаты плотно, как зерна
Той любви, которая здесь зазорна —
Врывается в жизнь и торчит из нее углами,
Острыми, бесформенными, как пламя.

* * *

Страшно ли мне стареть, страшно ли умирать —
Тряпкой лицо стереть с зеркала, замарать
Пестрый дневной наряд памяти — грубой тьмой.
Вот — небеса горят тихие надо мной,
Весь в еловых кистях, занавесом шумит
Воздух, и день — пустяк, хмурится — юнкер Шмидт,
Рушится — ветхий Рим в волнах голодных орд —
Так же неповторим и драгоценен. Мертв.
Вечера Колизей круглый еще торчит,
Осыпаясь, — глазей и отходи: горчит.
Страшно ли мне стареть, страшно ли умирать —
Вон полыхает твердь, облака эмират,
Сколько же мутных струй в зеркале, рыб, скорбей,
Водорослей. Целуй — только скорей, скорей!

* * *

Дождь глядит глазами круглыми,
Содрогается, течёт
По земле, по недолюбленной,
Как детдомовский дичок —
Расцарапанной, расчесанной,
В цыпках красная рука,
И до хартии, до Чосера —
Поле голое. Века.
Что мы здесь забыли? Я тебя
Вижу, словно сквозь стекло.
Беззаконные объятия,
Бесполезное тепло.
Будто в поисках сокровища,
Каждый вьётся, одинок,
Так, веревочка к веревочке —
Затянулся узелок.

* * *

Что, не спится, мой дружок?
Стены, травы, гаражи,
Ночь кузнечиком стрекочет,
Над бессонным ворожит,
И комар летит куда-то,
Завивает виражи,
Натыкаясь на заката
Меркнувшие витражи.
Я приснюсь тебе, раз надо,
Только руки положи
Мне на плечи — над дорогой,
Над заросшим пустырем.
Надо нам совсем немного
Перед тем, как мы умрем.

* * *

Мир словно выключен и обесточен
Внезапным холодом. Один листочек
Зеленым пламенем, слезой счастливою
Под синей тучею с налетом сливовым
Дрожит — закончилось тепло, а танец-то
Все длится. Может быть, и мне достанется
Минута отдыха перед дорожкой,
С чужого праздника сухие крошки,
Обрывки музыки с чужого пира,
На липком столике полкружки пива,
В углу — объятия чужого мужа.
Осталось разве что попить из лужи,
Поймать, под утро футболку стаскивая,
И кошке нужное словечко ласковое —
Такое тихое, такое странное,
Что ранит, может быть, больнее бранного.

* * *

Прижимаясь ухом к мужскому плечу,
Женщина слышит отзвук большой волны,
Окатившей ее, пусть даже параличу
Сон внезапный подобен, вернее, сны,

Проплывающие по венам, как косяки
Мелких рыб лучистых, вливаясь в круговорот
Темной крови, дремучей ревности и тоски,
Так никем и не узнанной — как народ,

Из ворот выходящий ночью — вернее, врат:
Тихий говор, топот, блеющие стада.
И она встает и уходит — чтоб спящий враг
Не видал ее бедер, белеющих, как врата.

* * *

Едем мы рука в руке, а когда расстанемся,
Почеркушками в песке сдует наши таинства,
Что не значатся нигде — ни на земле не на небе,
А на ракитовом кусте, на ничейном знамени.
Где лежал в тарелке хлеб, где блестели рюмки,
Капли, разверзая хлябь, чокаются громко,
Где сидели мы, теперь вырос клевер розовый,
Где была наша постель — зарябило озеро.
Слово, гревшее нас, до утра остынет.
За границую глаз — смертная пустыня,
За границей руки, частого дыханья —
Ненасытной тоски желтые барханы.
По ним кружит ветерок — как по житу:
Как ступлю за порог — семеро держите.

Ты-то пойдешь к жене, я-то пойду к себе.
Тебе хорошо и так, мне хорошо — никак.
Цена-то всему — пятак.

* * *

Узловатое древо Кракова,
Облепленное разноречиею мошкаррой,
До блестящего лакомой,
Тяжкие гроздья улиц с черепичною кожурой,
Брызжащие каменным соком,
Гнущиеся от молока и меда стены, углы, столбы,
Красавицы, глядящие из окон
В разбитое зеркало толпы,
Омывающей перезрелые
Плоды костелов, заскорузный собор —
Сухой шиповник, утыканный стрелами
И крестами, из кирпичных пор
Еще источающий благоухание

Бывшей любви.
Мимо, мимо — искупленные, коханные,
Позабывшие, чьи
Они дети — в сладкий квартал еврейский —
Нынче богемный — галдящие, как воробьи,
Слетаясь на запах властный, кофейный, резкий, —
Не замечая, что идут по колено в крови,
И что уличный столик с салфеткой розовой,
Дребезжа, сползает во тьму на границе Кракова —
По улице Иосифа без Иосифа,
По улице Иакова без Иакова.

* * *

Есть у измены призрачное родство
С крылышками Гермесовыми: жену
Или быка... Священное воровство
Жалуют боги, сглатывая слюну,

Провожая вздохом чужое добро,
Выжигая взглядом, не ведающим стыда,
На вожденной коже свое тавро.
Древо желанья растет на краю пруда,

Вьются вокруг певучие комары,
С веток упругих каплет молочный дождь,
Ну, а плоды, сокрытые до поры, —
Пусть мы не боги, — вернешься и украдешь.

Нет, мы не боги — их разъяренный взор,
Ханжеский возглас однажды достигнет нас.
Вряд ли мы вовремя прыгнем через забор —
Схватят, конечно. Только бы не сейчас.

* * *

Когда под грудой дел унылая любовь
Растерянно сидит, как золушка меж зерен,
То не зови ее, не плачь, не пустословь —
Она рассеянно глядит поверх голов
Невидимой толпы, ей голос твой — зазорен,

И берег засорен, и глаз запорошен
Известкой, призраком, не скажешь — дорогого,
Сквозь мутную слезу ей видно хорошо
Нетрезвое вчера, что лезло на рожон,
А в будущем — ни зги, ни Мги, ни Бологого.

Густой смородины кипящие тазы
И тайна, что жива до первого скандала, —
Вот мирозданья жгучие азы,
А внятнй лишь двоим извилистый язык
Травой подернется, где тикают часы
Кузнечика. Светло, как посреди вокзала.

* * *

Никогда еще жизнь не казалась такой манящей,
Словно бабушкин чуть приоткрытый ящик
С нитяными перчатками, страусовым пером,
Театральным биноклем в мягком футляре желтом
И сандаловым веером, пахнущим, как перрон
В незнакомой стране.
Диковинки, что нашел ты, —
Перед дверью, которая вроде не заперта,
Но лежит перед нею мерцающая черта
Заповедного света, и отблеск его двоится
Но потертом коврикe, пискнувшей половице,
На крахмальном облаке, вымытом добела,

На картошке в крутом пару, в щегольском мундире,
На судьбе, в затылок целящейся, как в тире,
На мать-мачехе у крыльца, на твоём лице,
На верхушках закатных елок — и там, в конце.

* * *

Расстоянье — любовный напиток,
Электричка шумит в голове.
Из цветных перепутанных ниток
Колкий луг, узелки на траве.

Никакая летучая встреча
Не заменит набухших длиннот
Ожидания, потных колечек
На виске и потерянных нот

В душной, за ночь испорченной пряже,
Полной шелеста, стрекота, сна.
Пенелопа гуляет на пляже,
Точно зная — она не нужна

Одиссею, поскольку дороже —
Не касанье пустующих рук
И волос, не хваленое ложе —
А пространства натянутый лук.

А она — лишь виденье, чужая
Тень цветная, мишень на стене.
Милый мой, я тебе не мешаю
День и ночь тосковать обо мне?

ОДА НА ПОГРУЗКУ МЕБЕЛИ

Как Рим сжигал играющий подонок,
Агенобарб,
Поджечь бы свалку этих тумб, котомок,
Весь этот скарб:
Всех этих книг не перечтет потомок,
И даже бард
Не воспоеет — хоть безголос, но тонок.
Итак, на старт.

Вот зеркало, кишашее тенями,
Зачем оно?
Чтобы войти и с ужасом ногами
Нащупать дно.
Ни супница, ни розы на фарфоре
Мне не нужны,
Но по легенде, их купили вскоре
После войны,
Везли в трамвае, пересилив давку,
Обняв края
Коробки — и отправить их в отставку? —
Ну, нет, не я!

Зачем тебе шкафы, скажи на милость,
Куда ты прёшь
Все барахло, которое скопилось,
Всю эту ложь —
Пальто, пиджак, слежавшийся, как силос,
Свинцовый дождь
Томов, что ты прочесть уже не в силах,
Заколки, брошь
Со сломанной застежкой, банки, мыло:
Не парься, брось!
Поберегись — тебя обходят с тыла,
Беги — авось
Укроешься куда-нибудь от вещи,

Везде, всегда
Растущей из любых щелей — похлеще,
Чем лебеда,
И врущей о тебе, как сивый мерин:
Не ты, любя,
Ее степенно выбрала, примерив, —
Она тебя
Лукаво приманила дешевизной
И простотой,
И быстротой приготавленья жизни.
Ее настой
Весь выдохся в стенах, пустых, как небо
В дорожках слез.
Смотри, комод к ноге прижался — немо,
Как старый пес.

* * *

Чтобы голос продолжался,
Не срывался в пустоту,
Чтобы в нем звенела жалость
К пожелтевшему листу,

К тесной тропке муравейной,
К бедной радости земной,
К уходящему мгновенью —
Ты побудь еще со мной,

Посиди еще на бровке,
На хвоинке, на строке,
На ступеньке, сжав неловко
Руку в дрогнувшей руке.

* * *

Послал мне тебя Господь,
Как музыку и слова:
Не воду носить, не дрова колоть,
А чтоб я была жива.

Что же у нас с тобой
Общего, мой дружок?
Ни чашку, ни ложку, ни полку с резьбой,
Ни обувной рожок,

Ни жизнь нам не разделить,
Ни смерть, как сказал поэт,
Ни глины комок, ни поле вдали,
А детский один секрет

Про общую нашу ложь —
Под вишенкою в саду,
Куда ты, калиткой звякнув, придешь,
Куда я к тебе приду,

Где призрачное гнездо
Совьем с тобой до утра,
Жадно
под мокрой дрожащей звездой
Касаясь пером пера.

* * *

Кто-то ходит на чердаке.
Видно, Осип все ладит крышу.
Молоток у него в руке,
Дранка новая. Слышу, слышу.

Не успел он перед войной
Крышу справить — «столыпин», лагерь.
Вот и топает надо мной,
Проверяет, прочны ли лаги.

Что ты, Осип, прочны, прочны,
Балки взмыли над ними ровно.
Спи спокойно в груди страны,
Где навряд ли ты похоронен,

В лучшем случае, сброшен в ров,
Безымянный, расстрельный, братский.
Спи. Спасибо тебе за кров.
Я достроила крышу. Краской

Пахнут доски. Ведь ты поляк —
Потому и забрали. Или
Не поэтому — просто так.
Били. Спать не давали. Били.

Я живу за тебя в твоём
Доме. Ходишь ночами, Осип, —
И ходи. Мы с тобой вдвоем,
И от этого крышу сносит.

* * *

Смерть моя не чиркнет новостью
По газетному листу
И конем не остановится
На Аничковом мосту.

Все равно – могила братская,
Бор высокий, щель в стене –
А сторонка Петроградская
Не заплачет обо мне.

Только тень твоя сторожкая
Повернется у ворот,
И фонарь дешевой брошкой
Между липами блеснет,

Глянем друг на дружку – роли-то
Позабыты навсегда.
Буду я на землю пролита
Пред тобою, как вода,

Одна капелька останется,
Так, слезинкой – на авось,
А когда ты скажешь: «Танечка» –
Вот тогда и разревусь,

Как над той страницей гибельной –
Помнишь, девица, ручей –
Конашевича, Билибина –
Все равно не помню, чьей.

По краям цветочки блеклые
Из заморского стекла,
А Финиста ясна сокола
Я за печкоюшла.

Посреди любого сборища,
В сетке мелкого дождя
Я тебя узнаю: перышко
Мне оставил, уходя.

Потому-то выйдет тень твоя
Мне навстречу из ворот,
Над обшарпанною стенкою
Луч рассеянный сверкнет,

Остановится над аркою,
Круглой, твердой, как хитин,
И пойдём мы, взявшись за руки,
В первый раз — куда хотим.

* * *

Тело, тобой разбуженное, как роща,
Полное шелеста, гомона, щебетанья,
Путь выбирает призрачней, но короче
К спрятанной за горами тайне.

Ярое око солнца в припухших веках
Туч — за кирпичной трубой, за Охтой.
Изнемогая, медом течет и млеком,
Светится тело, которое вдруг зажег ты, —

От ключиц до кольца трамвайного, до окраин,
Пустырей, от макушки до самых пяток,
От зоопарка, что в детстве казался раем,
До закрытых глаз, до Твери, до Вятки.

* * *

В еловых жилах моей избы
Течет ледяная кровь:
Топи не топи, готовь не готовь,
А холода не избыть.

В земле моей, поросшей быльем,
Живет вековой испуг.
Обнять бы ее, прижать бы ее,
Да все не хватает рук.

Река по жилам моим течет,
И водорослями со дна
Всплывают лица и имена,
Которым потерян счет.

И елка стоит над моей избой,
Колючая, как страна,
Куда судьбой занесло нас с тобой.
Но мне не будет страны другой,
И я у нее — одна.

* * *

Родину любим, как маму-алкоголичку
Любит сопливый сын в синяках и цыпках,
Исподлобья ищущий стыренную наличку
Нежности в зенках ее, налитых и зыбких.

Он никогда не видел ее иною.
Братья и сестры сгнули — угорели.
С голоду, видно, чуются за спиною
Пьяной неряхи — прозрачнее акварели

Крылья — едва колеблемые дыханием
Спящей души на травяном пригорке,
Над заповедной рекой, на сухой поляне.
Тянется к ней руками, но ветер горький

Пылью в глаза бросается: может статься,
Ничего и не было. Сумрачную порою
Облако, вдруг воздвигшееся, как царство,
Рушится, обливаясь закатной кровью.

* * *

Когда между персонажами — три моря
И, ладно, не тридевять земель,
А хотя бы девять, то, посуду моя
И белье стирая, гадать не смей,

Кто, откуда, правда ли — догнать не пробуй,
Покорми с ладони ручную жар-птицу — клен.
Поперек неба перекинут провод
Перелетный, курлычущий: «алё, алё!»

И когда слово повернется, как ключик,
Заводное сердце запрыгает — скок-поскок,
Посмотри внимательно — это пространство глючит
Серым волком, потертым, как шерстяной носок.

Все при нем — царевна с косой до земли, царевич,
Натурально, конь богатырский и весь комплект.
Ты в него неходишь. С тебя довольно зрелищ,
Птичьей стаи, на небо закинутой, будто плеть.

* * *

Если не с кем почувствовать себя несчастной,
Значит, это не жизнь никакая и не любовь.
Все бы тебе на качелях качаться,
То взмывая над деревьями, то — о землю лбом.

Встанешь, отряхнешься, приговаривая — не по чину
Кувыркаться над крышами, тут тебе не Шагал,
Тут гуляют по Невскому нарядные женщины
и мужчины,
И когда еще в темной воде зашуршит шуга,

И когда еще в темной крови перегорит желанье —
Листва еще зелена, почти что лето, почти тепло,
Но в сердце вдруг прозвенит звоночек — почти
трамвайный,
А номера не видать — наверно, идет в депо.

И где-то внутри зазубренным краем льдинка
Звякнет, будто о дно стакана, и в гладкой волне
витрин
Метнется взгляд твой — почти незнакомый,
дикий —
Значит, ты жива еще, значит, благодари

Разомкнувшееся объятье, впусившее эту стужу,
Как распахнутое окно. Отвернись. Иди
Домой, выравнивая дыхание, — ну же,
С ледяным цветком, распускающимся в груди.

* * *

Дается человеку человек,
Чтоб голос на ветру не расточался,
А тек в ушную раковину. Свет
Из облака течет в преддверье часа,

Когда на Арарат ступает Ной,
И скачет царь Давид перед ковчегом.
Пространство разговаривает мной
С самим собой, со звездами и с веком.

Но темный и печальный разговор
От облаков отскакивает глухо,
А как шепчу тебе любовный вздор —
Так сам Господь мне подставляет ухо.

* * *

Двор-колодец, дай глоточек, неба капельку плесни:
Плоть озябшая — не хочет, а дотянет до весны.
У окна она бледнеет, как картофельный росток,
Штукатурка перед нею и помятый водосток,
Да невидимый народец завернет на полчаса,
Населявший двор-колодец, улетевший в небеса,
Только облачко дыханья оставляя на стекле,
Только отсвет над верхами почерневших тополей,
Точно спичек обгоревших, вынутых из коробка.
И луна ложится решкой, и дорожка коротка
Из густых тире и точек — стайки девочек босых.
Двор-колодец, дай глоточек, души грешные спаси!

* * *

Я вымыла окна — и город на шаг отступил,
И робкое небо, неловкое, как деревенский
Нечаянный родственник, пряча под мышкою шпиль
Соседней церквушки, присело на краешек венский.

Молчало, как будто не зная, о чем говорить,
По комнате взглядом блуждало, на книжную полку
С почтеньем косилось. — Пора уже чай заварить —
Нелепая мысль промелькнула, но небо недолго

Сидело на стуле — а вдруг поднялось и ушло,
Всем видом прощенья прося за неумную шалость.
И пестрые книжки померкли, и только стекло
Внезапно метнулось за ним, обняло и прижалось.

* * *

Запах дегтярного мыла от чистых волос —
Осени запах, листвы умирающей, первых
Льдинок и птичьих едва различимых полос,
В небе натянутых, словно звенящие нервы.

Вкус одиночества, солоноватый, как кровь:
Ранку лизнув, не пуская рябинную каплю
Дальше запястья, почувствуешь — скоро Покров,
Твердь затвердела вверх, а дорога размякла.

Инеем всю обметало траву поутру,
Воздух — бутылка из погреба — льется густая
Брага, и лист, как тифозный, в холодном жару
Мечется и, отстрадав, как душа, отлетает.

Ты не привыкнешь — не бойся — ко мне никогда, —
Запах дегтярный, листвы замирающий лепет —
Даже когда под мостом онемееет вода,
Луг полинялый оглохнет, и небо ослепнет.

Ты не привыкнешь ко мне — и на все голоса
Ветер завоет, как пьяный от водки паленой,
Глянут леса, потемневшие, как образа,
Прямо в глаза — с укоризной — со стенки беленой.

* * *

Все кажется, жив, а не умер,
Все кажется, ходишь, не спишь —
То буквы читаешь на ГУМе,
То слушаешь под полом мышь.

И сколько же дел неотвязных
Тебя осаждает с утра
И писем — из Праги, из Вязьмы,
Из града святого Петра —

Как будто невидимый кратер
Гудит — дорожает бензин,
Из гроба встает император,
Соседка бежит в магазин,

И сам с непонятною ношей
Несешься вдоль елок и шпал.
А влюбишься — сразу проснешься
И вскрикнешь: «Как долго я спал!»

* * *

Желто-красное оперенье
Улетающего куста.
Отрешенное – вкось – паренье
Потерявшего страх листа,

Обрывающего цепочку –
Ту, что нам оборвать слабо,
Превращающегося в строчку
Чуть подвыпившего Ли Бо.

Узнаю этот жар подкожный,
Так рождаются в явь – из сна:
То-то жизнь его так ничтожна,
То-то смерть его так красна.

* * *

Как на воре пылает шапка,
Так на клене горит листва.
Никому от нее не жарко,
Только кружится голова –

То вороной вокруг собора,
То трамваем вокруг кольца.
Мы ведь тоже с тобою воры –
Эти голенькие тельца –

Как вещественные улики,
Как словечки из письмаца.
На листе – узелок улитки.
Не разыгрывай храбреца.

Чем с дружками пойти напиться
Или ждать меня у метро –
Раздобудь-ка ты мне жар-птицу
Этой осени. Хоть перо!

* * *

Нет в Париже красивой такой тюрьмы, –
Усмехнулся, – конечно, нет,
И подземным огнем просмоленной тьмы,
Заливающей трафарет

Резких улиц, наложенных на судьбу, –
Не загадывай – проживай
Купол, арку, набережную, трубу,
Веток ржавые кружева,

Воздух, пахнувший снова чумой, войной
(Слышишь, люки задраил Ной),
Дом, в котором ты до утра со мной,
А потом – на Гороховой, на Сенной,
Караванной, речной, земной.

В неостывшей чашке оставив муть
Дождевую, оконный мёд,
Кто сумел очнуться и ускользнуть
Втихаря через черный ход,

А кому – идти за волной рябой,
Говорящей наперебой
С катерком, мостками, гнилой доской –
С матерком шевеля разбитой губой,
Шепелявя: «Отбой, отбой».

* * *

Как мачеха пред зеркальцем вертясь,
Кокетливо покусывая стилос,
Не ты, душа, трудилась и постилась,
Ткала в ночи спадающие в грязь

Шпалеры кленов золотом густым,
Висящие на воздухе высоком,
Не ты побагровевшие кусты
Произносила громко слог за слогом,

Как будто голос вновь их создавал,
Давал им вместо прежней плоть иную,
Не ты спускалась в ледяной подвал
Зимы, соблазны осени минуя,

Когда ее сухое естество,
Вздыхнув, слетало в колеи и ямы,
Заваленные мертвою листвою,
И тайна веток становилась явной.

Не ты стелила простыни, встряхнув
Крахмальные негнущиеся складки,
И воробья сажала под стреху,
И белку – у кладбищенской оградки.

Не ты, душа, разметила мелком
Тропинку от калитки до сарая
И лужу – как тарелку с молоком
Замерзшую поставила у края.

Не ты, душа, творила этот мир,
Внося в него изнеженность и строгость, –
И если он сейчас тебе не мил –
То отойди и ничего не трогай.

* * *

Главное — музыка, музыка,
Листьев ночной разговор,
Солнцем залитая улица
Узкая: русский пробор.

Девочка семечки лузгает,
Платьем коленки прикрыв,
Курят вспотевшие грузчики
В арке. Меняя мотив,

Где-то копыта процокали,
Ветка взмахнула, как флаг:
Музыка около, около,
Да не ухватишь никак.

Может, догонишь на идише,
Может, на мове — куда! —
Слишком уж вольная, видишь ли, —
Как дождевая вода.

Позднего путника выберет
В сквере — любого из нас,
Хлынет без спросу за шиворот,
Из-под рубашки. Из глаз.

* * *

О, эта жизнь чужая, багровым краем
Касающаяся лица, как закатное солнце — леса,
Оставляя ожог на кромке. Мы так и не узнаем,
Что там за плоским диском, вставшим отвесно,
Как монета в руках мальчишек, играющих
за сараем.

О, это солнце рдеющее, густое,
Лучше б не вытекало из туч, не озаряло
Рedeющий гребень жизни, стареющий лес, листвою
Сорящий, как шулер карточный — козырями.
Как горит оранжево! — только зря мы
Рты разинули, неподвижно стоя

На краю опушки, трясущейся от озноба.
Лучше б нам не видать потока и разоренья —
Красного и белого, листвы и снега, Деникина
и Краснова,
Чапаева и Котовского — кровавой мездры, основы,
Холщовой изнанки — зажмуриться, поберечь бы
зренье,

Белые вихри в казацких вихрах травы
не видать бы,
Красные полосы в небе, следы погрома,
Снежный пух из еврейских перин, на щеки
летающий. Свадьба
Вокруг ракитового куста, без венца и крова,
Сковала нас золотой цепочкой — но ее не хватит
Ни на два шага из колонны, ни на пайку хлеба, ни
на пук соломы.

Вот она, чернеет над нами — глазница неба
С вытекшим солнцем, с незаживающими краями.
Время течет сквозь душу, закинутую, как невод,
В мутные воды памяти — шевеля прозрачными
ячеями.

* * *

Как хорошо, когда мы далеко,
Не важно, что меж нами — Киев, Канны.
Качается пространства молоко,
Налитое в прозрачные стаканы.

И в нем плывет, размешана, как мед, —
Чтоб не болеть — то Вологда, то Луга,
Пустоты заполняя, не дает
Удариться при встрече друг о друга,

Смягчает воспаленное люблю,
Саднящее в миндалинах ангиной.
Как мятная пастилка по рублю —
У станции дежурная калина.

И пауза стеклянная полна
Не ледяным, как водка, Петроградом —
Где я тебе не так уж и нужна,
Не так уж и нежна, когда мы рядом.

* * *

Ах, скажите, скажите скорее,
Где, поляки, ваши евреи?
Где торгуют они, где бреют,
Лечат, учат, флиртуют, стареют,
Проезжают в автомобиле?
Почему вы их всех убили?

Ах, скажите, скажите скорее,
Где, литовцы, ваши евреи?
Где такие ж, как вы, крестьяне —
Те, кого вы толкали к яме,
А кто прятался на сеновале —
Тех лопатами добивали.
Между сосен, янтарных кочек
Не положите им цветочек?

Ах, скажите, скажите скорее,
Где, французы, ваши евреи? —
Продавцы, адвокаты, кокетки,
Дети с вашей лестничной клетки,
Те, которых вы увозили
Ранним утром — не в магазины —
К черным трубам, стоявшим дыбом,
Чтоб соседи взлетели — дымом.

Ах, скажите, скажите скорее,
Где, голландцы, ваши евреи? —
Часовщик, поправляющий время,
И кондитер, испачканный в креме,
Где рембрандтовские менялы?
На кого вы их променяли?
Почему вы их выдавали?
Почему вы их убивали?

Ах, скажите, скажите скорее,
Где, британцы, ваши евреи,
Те, кому вы не отперли двери?
Пепел их — на земле, в траве и
В вашем сердце, что всех правее.

Ах, беспечные европейцы,
Эти желтые звезды, пейсы,
Полосатых призраков стаи
В вашем зеркале не растаяли.
По ночам в еврейском квартале
Ветерок шелестит картавый.
Как вам дышится? Как вам спится?
Не тошнит ли вашу волчицу
С бронзовеющими сосцами?
Подсказать? Или лучше сами?

* * *

Не много осталось одежды сносить,
Стоптать башмаков,
Смотреть, как земля одевается в сныть
И болиголов.

Не много осталось от ветра грустить,
От солнца шалеть.
Осталось жалеть и осталось любить,
Любить и жалеть

Мужчину, дитя, воробьиную прыть,
Рябинную медь —
Недолго, но все же осталось любить,
Но больше — жалеть.

* * *

Так закончится жизнь однажды — как эта осень.
Глянешь утром из тела — а воздух уже морозен
И хмелен, глотнешь — и кружится голова.
И дома, и люди как будто немного сонны,
Между ними неслышно порхают сонмы
Мелких ангелов белых, садятся на рукава,

На заборы, на легкие ребра оконной рамы,
На дорогу, автомобили, строку рекламы,
Обводя зубною пастою все подряд —
Провода, прохожих расплывчатые фигуры,
И забытых кленов ненужные абажуры
Выключая: еще желтеют, но не горят,

Выключая сердце — не сразу, но постепенно —
Все ровней дыханье, все меньше курчавой пены
На волне, приглушеннее хриплый бас.
И последним на берегу залива —
Видишь лес, потемневший, как Спас под густой
олифой, —
Нет, не видишь — но губы шевелятся — чтобы спас.

* * *

Не находишь — как-то сегодня сыро.
Выпьем, что ли, за нашего сына,
Я — водки, а ты — уж не знаю, что там
Отпускают с небесного склада твоим широтам,
Горним высям, странам висячим, весям.
Правда, и мы тут не много весим —
Шкурка с жизни соскабливается, как с картошки,
Патриоты плещут крылами, — короче, тошно.
Короче, выпьем. Я его без тебя растила.
Я у тебя в долгу. Ненасытнее, чем Атилла,

Увозящий золото Рима, женщина у мужчины
Забирает семя. Спасается от кручины,
Выращивая дитя свое золотое,
Трофейное. Погоди, не то я
Говорю — выпьем за нашего сына.
В день его рожденья догорает в лесу осина,
И вода, коснея, лишается дара речи,
И черты земли проступают резче
Перед тем как белыми зернами их засеют.
Он тебя не знает — как Телемак Одиссея,
Равнодушно глядит на краны в порту и мачты,
Но голос его ломается, как тростник, а значит,
Скоро он оглянется и захочет
По веревочной лестнице твоих строчек,
Опасно раскачиваясь, выше и выше
Вскарабкаться. Протяни ему руку, слышишь?
Ветер подует с севера, и немые
Воды расступятся. То, что брала взаймы я,
Отдаю. Он будет заморожен тобою —
Дорогой в дымке, лежащей за ней странюю,
Топотом и дыханием всех чудовищ,
Гнавшихся за тобой, — соломки не приготовишь,
Духов не закланешь, ветры не свяжешь в узел.
Выпьем за то, чтобы он не струсил,
И за то, чтобы суд его не был строгим,
Чтоб, увидев тебя, сидящего у дороги
Под оливой, под пальмою, под рябинкой —
Он смахнул с лица приставшую паутинку.

* * *

Снег погас — и все померкло —
Ветка, улица, карниз.
Город, сшитый не по мерке,
На плечах моих обвис.

Ни следа, ни силуэта
Угадать уже нельзя,
Вместо линии и света —
Лужи, камни да земля.

Все, что мило, все, что люблю,
Глянeshь искоса — не то, —
Давит, как сырая шуба,
Как намокшее пальто.

Был ли город? Где ты, Шлиман, —
Откопай его скорей.
Манны, Господи, пошли нам
Вкруг пустынных фонарей,

В тишине — глухой как будто —
Имя наше назови
И пошли нам сон под утро —
Краткий отдых от любви.

* * *

Дебелой, кустодиевской зимой
Очнешься — еще переполнен листвою
Кружащейся, рыжей — как шумной семьей,
Внезапно уехавшей. Тихо. И в створе

Оконном — мелькание белых одежд.
Так вот оно что — неужели больница?
А может быть, ангелов беглых мятеж,
Глядящих на небо, как будто в бойницы,

Из щелки любой, из глубоких дворов
И даже из урн — не стесняясь соседства,
Из кленов, лишенных золотых куполов —
И славы своей, из притихшего сердца,

Постигшего всю глубину перемен
И слышащего, замерев от испуга,
Скрипучий военный проспект — как ремень
Из новенькой кожи, затянутый туго.

Скажи мне — но речь запорошена в нас,
И в пар, как в бумагу, завернуто слово,
И день, как ребенок из бани, до глаз
Закутан в платок — невесомый, пуховый.

* * *

Не за жизнью, а за судьбой
По заснеженному проспекту,
Скользкой набережной седой
В Петербург вступая, как в секту,

Разве знаешь, где поворот
И куда заведет кривая,
И кому незнакомец тот,
Запахнув воротник, кивает.

Багровеет вдали тюрьма,
На застывшей Неве лица нет,
Цепеня, стоят дома,
Окруженные мертвецами.

Вон — на каждом шагу они,
А не где-то на Пискарёвке,
И текут через них огни,
Веток скрученные веревки

И живых болтовня и смех,
Порт, залитый закатной желчью,
Снег — в безумье смешавший всех —
Все быстрее, то крупней, то мельче,

Вниз — на головы нам с тобой,
Жадно шепчущим: «Скоро, скоро!» —
Как пред медлящую судьбой,
Замеревшим у светофора.

ЛЕДОХОД

Уже с утра ходили под хмельком,
Смотрели, как в воде ступенька тонет,
Как каждый особняк, цветным мелком
Закрашенный, смеется на ладони,

И город, пробудившийся, как жизнь,
Сорвав с реки шуршащую рубаху,
Склоняется, на локоть опершись,
Как над невестой, плачущей от страха.

Был воздух, словно пение, тягуч,
Обрывки льда неслись, блестела фляжка,
Соломенный адмиралтейский луч
Ломался возле тополя на Пряжке,

И ты, ногой пошевелив шугу,
Все повторял, на женщину кивая:
— Так — никогда углы скорбящих губ
Не опускай. И я не опускаю.

* * *

Старая, теряя сон,
Дурные привычки, память,
Стоять под мостом, как сом,
Подрагивать плавниками

И чувствовать, как трамвай
Скользит по шершавой ткани,
Трепещущий, как трава,
Как холод меж позвонками.

* * *

То ли выпить водки, то ли не пить,
То ли выпить, то ли уснуть.
Отливает кровь от гранитных плит,
Подо льдом замирает ртуть.

Полицейскому УАЗику лень шнырять,
Охраня покой семей,
Обвивается вьюга вокруг фонаря,
Как вокруг райского древа — змей.

В серебристых кольцах — парадняки
И припудренные сады,
У подъездов запертых — огоньки,
На поземке — твои следы.

Я стараюсь попасть, но иду не в лад,
И встает меж тобой и мной
Императорской площади циферблат
С тяжелой стрелкою часовой.

Этот город живет по законам сна,
И когда я среди живых
Окликаю тебя — предо мной стена,
Иероглифы чертит вихрь.

Не пойму, к чужому припав плечу, —
То ли тот, то ли этот свет,
Но когда среди мертвых тебя ищу —
То и там тебя тоже нет.

ЗИМА

Исакий плодовит и кряжист,
И ангел спит в его коре.
Сутулый Достоевский, тяжесть
Дворцов, построенных в каре.

И тут же — пушкинская легкость —
Свернешь по улице — видна,
Поддерживавшая под локоть
И Майкова, и Кузмина,

И город, весь припорошенный
Тончайшей пудрой ледяной,
Как будто в сердце пораженный
Любовник оперный, со мной

Немного постоит — и рухнет,
Глаза пустые закатив,
Помяв парик, забросив туфли
С большими пряжками в залив.

* * *

Нет конной гвардии, но есть Конногвардейский
Бульвар: скамейки, сонное семейство
С коляской и собакой. Не надейся,
Не повстречается драгун или улан,
Но снег неспешный продолжает действие —
Он начал падать не сейчас — лет двести,
Или вчера, когда мы были вместе,
А нынче — буквы на бумажной дести,
Разорванной неровно пополам,

Без даты — и без подписи подавно,
И только снег торжественно и плавно
Шеренгами вступает на бульвар,
Как белые драгуны и уланы,
Плывет в зазор меж нашими телами,
Меж нашими сердцами — прямо, прямо,
И липы над бесшумными конями —
Из розовых ноздрей ветвистый пар.

* * *

Как мало времени, как мало,
Как много хочется успеть.
Скользит поземка вдоль канала,
И снег, накинутый, как сеть

Апостола, на темный вечер,
На хрупкий мир. Сквозит внутри
Толпа, плывущая на вечный
Негреющий огонь витрин,

Дома толкаются, как рыбы
В оконной чешуе. Треща
Скелетом, вздрагивают липы.
Свои дары собрав, душа

Бежит, разута и раздета,
Услышавши благую весть,
Раскладывает у вертепа —
И тихо плачет: все, что есть.

* * *

Небеса в декабре все темней и ниже,
Сонный воздух влажен и ядовит,
Но Вирсавия медлит на плоской крыше,
И, бледнея, глядит на нее Давид.

Он не видит ни вьюги, ни вечной пробки
У моста Литейного, ни бомжа,
Что несет пожитки свои в коробке, —
Он глядит на Вирсавию, не дыша.

И проносится в горестном озаренье
Гибель царства, смута, текут в мозгу
Вавилонские реки, кусты сирени
На плацу в цветущем стоят снегу.

Он не хочет знать про того подонка,
Что отправит мужа ее на смерть,
Но звенит браслет на лодыжке тонкой —
И нельзя отвернуться и не смотреть.

* * *

Символ веры — символ ветра,
Тучи, грубой, как мешок,
Черных судорожных веток,
Губ, шепнувших: «Хорошо!»

Символ веры — символ света:
Кто увидел, тот спасен —
Снега мелкие планеты
Около фонарных солнц.

Символ веры – символ жертвы,
Крови, облака, огня.
Из лесной курчавой шерсти
Плащ накинут на меня.

В хвойных складках – дух овечий,
И у самого лица –
Голос вьюги, голос вечный
Сына, Духа и Отца.

* * *

Перед тем как отправиться в дальний путь,
Положи-ка голову мне на грудь,
Подожди минуты две или три,
А о том, что услышишь, не говори –
Ни о том, как сердце мое стучит,
Ни о том, как об пол звенят ключи,
Ни о снеге, летящем быстрее стрижа,
Ни о том, как губы мои дрожат,
Не смотри на замерзшие катера,
Не шепчи беззвучно: пора, пора –
Ведь за это время и жизнь пройдет
С легким шорохом, будто бы невский лед,
Проплывающий медленно под мостом
Из реки в залив, из сейчас в потом.

* * *

Бог замирает, как ребенок,
Над россыпью карандашей:
Он делает желтее донник
И солнце бледное – рыжей

И, высунув язык прилежно,
Рисует пятнышки щеглу
И блик на лаковой черешне,
Что продается на углу.

И брови дугами нахмуря,
Как будто бы дает зарок:
Как Айвазовский, будет буря,
А улица — как Писарро.

Колышется пред Ним раскраска,
Листаемая ветерком:
То сонный Гдов, то штат Небраска,
То дверь моя под козырьком.

* * *

В легком огне Твоем крепче меня держи,
В легком огне твоём, Господи, не отпускай.
Пробегает озноб летучий по спелой ржи,
В стылой воде, как монетка, блестит пескарь.

Лес Твой померк под вечер, с гнилого пня
Свесился мох тяжелою бахромой.
С красной строки заката пиши меня,
Господи, посылай меня, как письмо,

Строчкой реки, бегущей из-под моста,
За поля, за небрежно скомканные кусты —
С вестью о том, что любая земля свята,
От Иерусалима до Воркуты.

ОГЛАВЛЕНИЕ

«О, жизнь, о, бабочка, влетевшая в окно...»	3
«Стихи растут не из крапивы...»	3
«Умираешь, значит? Закрываешь лавочку?..»	4
«Да, сколько их было, родных пепелищ и гробов...»	7
«И как ты коленки сгибал во сне...»	8
«Август – небо воскресенья...»	8
«Всем телом прижимаюсь к небу...»	9
«За океаном было близко ...»	9
«Не дал мне Бог дочерей, а были бы ...»	10
«Женщина умирает дважды...»	10
Электричка	11
Из песни	12
«Ну, что, дружок, пожалуй, осень ...»	14
«С каждым днем, с каждым сном все короче...»	15
«Ноябрь – как страстная суббота...»	16
«Человек, который дышит рядом...»	17
«Невысок мой бревенчатый терем...»	17
«Так холодно – кажется, Малер...»	18
«Вырывают граждан из страны...»	19
«Ах, как жалко страну, как жалко ...»	19
«Ах, как хочется снега – небесного белого семени...»	20
«Улетает год, язычество торжествует...»	21
«Не я тебя держала за руку...»	22
«Вот и к нам пришли холода...»	22
«Снизу вверх – не сосна: звезда ...»	23
«Мир сотворен словом...»	23
«А что нам терять, кроме пыток...»	24
«Все не было, не было нам зимы...»	24
«Звезды вышли и встали рядом...»	25
«Ковш небесный танцует на ручке...»	26
«Нам в Рождество дарован свыше снег...»	27
«Ночь. Березы висят, как дымы...»	27
«Так иди, иди за морозной своей звездой...»	28
«И когда язык касается языка...»	29

«Еще не пора, но уже за окном...»	30
«Что ты смотришь на «эту страну», застыв...»	30
«Та женщина, которую с тобой...»	32
«Вместе — не вместе мы...»	32
«Бочком, с опаской вышел снег...»	33
«Я и не знала, что голос у меня хрипловатый...»	34
«Ай — слово мушмула...»	35
«Ну, очень добрые. Особенно Кельн...»	36
«Метель на Университетской...»	37
«О, Англия! Скоро срубят твои дубы...»	38
«Ты говоришь, я горевать умею ...»	38
«Когда в лодке плотник Питер...»	40
«Ну, что, душа? Что сидишь, тиха?...»	41
Из летописи	42
Бытие	43
«Земля дрожит в объятьях поезда...»	48
«Мост. Тающий лед...»	49
«Рука в руке дрожит синицей...»	49
«Ледяная змеиная шкура...»	50
«Из трав, от ветра пошедших в пляс...»	51
«Лето, веселящее, как пунш...»	51
«Ты есть. Тебя можно потрогать...»	52
«Берег глотая и дом, не скрывая азарта...»	52
«Муха, пробудившаяся в марте...»	53
«Как путник, утоливший жажду...»	53
«Хорошо любить издалёка. На экране мерцает плоть...»	54
«Дом потертый, в кирпичном своем исподнем...»	55
«Мыслю, как же. Cogita, вот еще...»	55
«На два дня мы хозяева жизни...»	56
«Дождь, на асфальте оспины. Синий холодный свет...»	56
«Ты помнишь обо мне, ты помнишь...»	57
«Надо же, старая перечница, смотри-ка...»	58
«Привет, о дева Революция...»	59
«Только елки стоят над откосами...»	60
«Землетрясение любви раскалывает Пангею ...»	60
«Платформы, красные пакгаузы...»	61

«Луч солнца выпадет из тучи...»	62
В московском метро	63
«Жму на педали — будто бы догнать...»	64
«Народ, принесенный в жертву...»	64
«Свидетельство. Свидетельство — о чем?...»	65
«Конечно, не женятся там — и последний кретин...»	66
«Май. Как будто некуда спешить...»	66
«Руку на сердце положи ...»	67
«Что-то печка не разгорается...»	67
«С днем рождения! Вот, впервые...»	68
«Символ веры с прожилками золотыми...»	69
«Страшно ли мне стареть, страшно ли умирать ...»	69
«Дождь глядит глазами круглыми...»	70
«Что, не спится, мой дружок?...»	70
«Мир словно выключен и обесточен...»	71
«Прижимаясь ухом к мужскому плечу...»	71
«Едем мы рука в руке, а когда расстанемся...»	72
«Узловатое древо Кракова...»	72
«Есть у измены призрачное родство...»	73
«Когда под грудой дел унылая любовь...»	74
«Никогда еще жизнь не казалась такой манящей...»	74
«Расстоянье — любовный напиток...»	75
Ода на погрузку мебели	76
«Чтобы голос продолжался...»	77
«Послал мне тебя Господь...»	78
«Кто-то ходит на чердаке...»	79
«Смерть моя не чиркнет новостью...»	80
«Тело, тобой разбуженное, как роща...»	81
«В еловых жилах моей избы...»	82
«Родину любим, как маму-алкоголичку...»	82
«Когда между персонажами — три моря...»	83
«Если не с кем почувствовать себя несчастной...»	84
«Дается человеку человек...»	85
«Двор-колодец, дай глоточек, неба капельку плесни...»	85
«Я вымыла окна — и город на шаг отступил...»	86
«Запах дегтярного мыла от чистых волос ...»	86

«Все кажется, жив, а не умер...»	87
«Желто-красное оперенье...»	88
«Как на воре пылает шапка...»	88
«Нет в Париже красивой такой тюрьмы, ...»	89
«Как мачеха пред зеркальцем вертяться...»	90
«Главное — музыка, музыка...»	91
«О, эта жизнь чужая, багровым краем...»	92
«Как хорошо, когда мы далеко...»	93
«Ах, скажите, скажите скорее...»	94
«Не много осталось одежды сносить...»	95
«Так закончится жизнь однажды — как эта осень...»	96
«Не находишь — как-то сегодня сыро...»	96
«Снег погас — и все померкло ...»	98
«Дебелой, кустодиевской зимой...»	99
«Не за жизнью, а за судьбой...»	100
Ледоход	101
«Старая, теряя сон...»	101
«То ли выпить водки, то ли не пить...»	102
Зима	103
«Нет конной гвардии, но есть Конногвардейский...»	103
«Как мало времени, как мало...»	104
«Небеса в декабре все темней и ниже...»	105
«Символ веры — символ ветра...»	105
«Перед тем как отправиться в дальний путь...»	106
«Бог замирает, как ребенок...»	106
«В легком огне Твоем крепче меня держи...»	107

Татьяна Вольтская

В лёгком огне
Стихи